

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
въ годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. № 88 преложено по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. вѣст.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Московск., 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обложки, говорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 Февраля.

СОДЕРЖАНІЕ: Отвергнутое домогательство. — Старая пѣсня на новый ладъ. — Драматическіе элементы въ романахъ Достоевскаго (окончаніе). *Осипа Димова*. — Стихотвореніе. *А. Измайлова*. — Хроника театра и искусства. — Художественная постановка «Отелло». *Recluse*. — Режис. отд. Ю. З. Озаровскаго (съ 36 рис.). — Театральныя вѣсточки. *А. К.* — «Сла. — Плясуны» (продолженіе). *М. А. Любимова*. — За границей. — Провинціальная льгота. — Объявленія.
Рисунки: Завтракъ въ честь Сальвини. — Рису-

№ 8.

нокъ г. *Гейдрова*. — «Отцы и дѣти», 2 рис. г. *Третьякова*. — Греза, рис. *Мух.* — Интервьюеръ у большой артистки. Изъ альбома Юса *Богачова*. — Балъ художниковъ. Рис. *П. И. Асанурова*. — Карнавалъ въ Парижѣ.

Портреты: Яунера, И. И. Плауктина.

Приложеніе: Второй выпускъ «Библіотеки»: Три женщины. *И. И. Иванова*. — Ученіе Рескина. *А. Ростиславова*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

Подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Отъ Конторы: Контора журнала «Театръ и Искусство» покорнѣйше проситъ лицъ, пользующихся разсрочкою платежа, озаботиться своевременной выплатой мартовскаго взноса (2 руб.). Лица, выславшихъ 3 руб., контора проситъ дослати еще 1 руб. При выслѣкѣ взносовъ, переимѣнахъ адресовъ и, вообще, при всѣхъ измѣненіяхъ въ контору слѣдуетъ указывать № полнаго билета или банкноты, по которой получается журналъ, а по возможности и прилагать печатный адресъ.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородній уплачивается 25 коп. при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—00 коп. (можно почтовыми марками).

Въ конторѣ имѣются комплекты за прошлые года со всѣми приложеніями.

За 1897 г. (безъ № 50) 8 р.

» 1898 г. (безъ № 3) 6 р.

» 1899 г. (безъ № 1) 6 р.

Цѣны безъ пересылки.

С.-Петербургъ, 20 февраля.

Домогательства петербургской думы относительно обложенія театральныхъ зрѣлищъ особымъ сборомъ въ пользу города закончились неудачей.

Въ свое время нами приводились довольно вѣскіе доводы противъ такого налога на театральныя зрѣлища. Но голосъ нашъ не былъ услышанъ, и даже не встрѣтилъ поддержки въ печати, хотя извѣстныя

часть ея очень чутко относится ко всему, что способно затруднить или удорожить доступъ къ культурнымъ благамъ. Новый налогъ, между тѣмъ, долженъ былъ дать свыше 200,000 руб., по вычисленіямъ одного изъ гласныхъ. Excusez du peu!

Надняхъ г. градоначальникъ увѣдомилъ думу, что министерство внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею, отклонило ходатайство думы, такъ какъ сборъ съ театральныхъ зрѣлищъ установленъ закономъ исключительно въ пользу вѣдомства учреждений Императрицы Маріи (прим. къ ст. 139 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV по прод. 1895 г.). Причемъ въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, при обсужденіи (въ 1892 г.) вопроса объ измѣненіи способа взиманія сборовъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, оговорено, что въ отношеніи сбора вѣдомство учреждений Императрицы Маріи поставлено въ исключительное положеніе «во избѣжаніе на будущее время» ходатайствъ со стороны общественныхъ управленій объ установленіи подобныхъ-же сборовъ въ ихъ пользу.

Такимъ образомъ, надежды петербургской думы на новую статью дохода—рушились. Но курьезнѣе всего то, что дума «сунулась въ ноду, не спросивъ броду». Предложеніе было препровождено въ управу, оттуда къ юрисконсульту. Г. юрисконсультъ отвѣтилъ, что препятствій къ ходатайству никакихъ не имѣется. Между тѣмъ, оказывается, что въ законѣ ясно указана бесполезность подобныхъ домогательствъ.

Любопытно было-бы знать, требуется-ли отъ юрисконсульты знаніе законовъ? Или же на службу въ думу приглашаются только тѣ присяжные повѣренныя, для которыхъ и это не обязательно.

Во всякомъ случаѣ, настоящее разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ имѣть важное принципиальное значеніе. Будь этотъ сборъ разрѣшенъ петербургской думѣ, за ней сейчасъ-бы потянулись и другія думы, и такимъ образомъ наше театральное дѣло было бы отягчено еще новыми налогами, а ихъ и безъ того достаточно. Не слѣдуетъ забывать, что вся тяжесть налоговъ падаетъ не столько на отдѣльныхъ носителей, сколько на самое театральное предпріятіе, ибо опытомъ доказано, что сумма денегъ, вносимая публикой въ кассу театра, есть величина до нѣкоторой степени постоянная.

Впрочемъ, мы рады за петербургскую думу. Если бы налогъ былъ разрѣшенъ, деньги, которые поступили бы въ городскую кассу, давили бы совѣсть гласныхъ тяжелейшымъ укоромъ. За что взымались бы деньги? Когда петербургская дума занимается съ трактирщикомъ—это понятно: она для нихъ много дѣлаетъ. Но что сдѣлала петербургская дума для театра, для художественнаго вкуса, для эстетики? Даже фасадъ Гостиннаго двора, кажется, перестоялъ безъ ея вѣдома...

Подъ заглавіемъ «Старыя пѣсни и новыя лѣта» мы получили нижеслѣдующую статью, касающуюся театровъ петербургскаго попечительства. Предоставляемъ читателямъ судить о серьезности затронутого ею вопроса.

Изъ театровъ петербургскаго попечительства ушелъ И. И. Шмитовъ. На грустные мысли наводитъ это, поминилонъ, жалованное событіе. Дѣло, разумеется, не столько въ самомъ г. Шмитовѣ, сколько въ томъ, что эта отставка энергичнаго режиссера является слѣдствіемъ полного торжества той грубой ошибки, на которой построено все дѣло попечительства. Долголѣтній опытъ г. Шмитова и его разностороннее образованіе выработали изъ него человѣка, необходимато въ такомъ шаткомъ, неустойчивомъ дѣлѣ, какъ является дѣло устройства народныхъ театровъ. Чуть не изъ всего состава дирекціи театровъ попечительства — они были единственными членовъ, который ясно понималъ, что народъ нуждается не въ «амурахъ и зефиряхъ», а въ художественномъ театрѣ.

Полтора года тому назадъ, и г. Сазоновъ, тогда только что назначенный директоромъ театровъ попечительства, смотрѣлъ на дѣло народного театра иначе, чѣмъ теперь. Помнится, что въ многочисленныхъ и многословныхъ отчетахъ газетныхъ интервьюеровъ приводинили взгляды г. Сазонова на задачи народного театра.

Тогда онъ горячо ратовалъ за то, что репертуаръ народныхъ театровъ долженъ быть строго-художественнымъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ на задачи народного театра скоро измѣнился. Забывшись, сообразно съ пимъ, и пріиме помощники г. Сазонова. Въмѣсто г. Шмитова «главнымъ режиссеромъ» былъ назначенъ А. Я. Алексѣевъ. Это назначеніе характеризовало собой новую эпоху въ исторіи народныхъ театровъ. Г. Алексѣевъ извѣстенъ въ театральномъ мирѣ, какъ «фрескискихъ дѣлъ мастеръ» и какъ спеціалистъ по постановкѣ феерій «собственного производства». Ясно слѣдовательно, что дирекція, вручивъ «бразды правленія» г. Алексѣеву, находила, что его знанія и опытность вполнѣ пригодны для дѣятельности въ театрахъ попечительства. И дѣйствительно стоитъ только познакомиться съ репертуаромъ театровъ попечительства, чтобы видѣть, какъ отразилось присутствіе въ попечительствѣ

этого режиссера-драматурга. Вотъ далеко не полный списокъ феерій, исключительно сочиненныхъ А. Я. Алексѣевымъ, которыя были поставлены за это время: «Аленькій цвѣточекъ», «Брѣвчатая мухарка», «Али-Баба», «Сказка о рыбацкѣ и золотой рыбкѣ», «Конекъ-Горбунунокъ», «Кузнечикъ-музыкантъ», «Приключенія на мельницѣ», «Ундина», «Пыганка Любаша», «Тарасъ Бульба», «Чудеса природы или двѣнадцатый мѣсяцъ». Затѣмъ слѣдуетъ целый рядъ «приспособленій» г. Алексѣева для народной сцены: «Арлекинада», «Фаустъ», «Русалка», «Каризы бабочки» и пр.

При этомъ, слѣдуетъ еще помнить, что всѣ эти фееріи выдержали безконечное число представлений. Такъ, напр., «Конекъ-Горбунунокъ» на разныхъ театрахъ попечительства прошелъ 93 раза, а «Сказка о рыбацкѣ и золотой рыбкѣ» что-то около 40 разъ за одну лѣту. Можно судить поэтому, сколько представлений пришлось на драматическую литературу, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Пора, наконецъ, серьезнѣе взглянуть на народный театр. Сидѣмъ думать, при ассигновкахъ субсидій не предположало, что значительная часть пойдетъ на обстановку феерій и на содержаніе громадной стаи «амуровъ и зефировъ», въ коротенькихъ юбочкахъ, изъ-подъ которыхъ видны оголенныя, хотя—можетъ быть — и очень хорошенькія ножки молодыхъ «фей».

Съ легкой руки «Театра и Искусства», въ газетахъ начали появляться чуть-ли не ежедневно статьи и замѣтки, касающіяся репертуара театра попечительства. «Россія», «Новое Время», «Сынъ Отечества», «Сѣверный Курьеръ», наконецъ, заговорили о томъ, на что слѣдовало давно обратить вниманіе. Не бѣда, что пока получается нѣкоторая разногласица во взглядахъ, напр., на умѣстность баята и феерій въ народныхъ театрахъ. Лишь бы было обращено всеобщее вниманіе на него, а ужъ разрѣшится онъ потомъ, благодаря общественному мнѣнію, благодаря совокупнымъ усиліямъ большинства.

Самой любопытной изъ всѣхъ появившихся статей и замѣтокъ надо считать статью А. О. Смирновой въ «Россіи». Статья написана горячо, даже талантливо, но далеко не убедительно. Авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что онъ выступаетъ защитникомъ тѣхъ «амуровъ и зефировъ» попечительства, на которыхъ посыпались нападки въ послѣднее время.

Всѣ доводы, приводимые талантливой писательницей, сводятся къ тому, что-де разъ мы—образованные зрители—смотримъ «Корсаръ» и другіе балеты, то забывъ же народъ лишать этого удовольствія. Почему же то, что «намъ можно,—ему нельзя» спрашивается не безъ наивности г-жа Смирнова, совершенно забывая о разницѣ впечатлѣній. То, что для культурнаго человѣка—чистая красота, нѣкоторый итогъ эстетическихъ эмоций,—то для зрителя изъ народа покажется скучнымъ, или же будетъ дѣйствовать только на грубые инстинкты. Такъ, напр.,—красивый, рискованный пувать балерины для насъ искусство, но для народа этотъ пувантъ—только «оголенная нога», показанная саншкомъ откровенно. Въдъ театр, для кого бы онъ ни предназначался, имѣть цѣлью дать рядъ эстетическихъ впечатлѣній — припримрующіе, успокаивающіе и обогащающіе. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что психологія «сѣраго» зрителя совершенно особенная. Онъ соединяетъ въ себѣ и дѣтскую, доверчивую душу, и впечатлительный умъ; рядомъ же съ этимъ въ немъ уживаются и грубые, животныя инстинкты, въ большинствѣ случаевъ, направленные въ дурную сторону. Необходи-

димо найти равновѣсіе между этими элементами, примирить ихъ. Театръ же для народа долженъ явиться не только силой, равнодѣйствующей упомянутымъ элементамъ, но и силой, производящей послѣдовательное давленіе, такъ сказать—периодическое, въ сторону усиленія нравственнаго мировоззрѣнія зрителя.

«Амуры и зефиры»—центр тяжести статьи г-жи Смирновой. Ничего мы не встрѣчаемся съ такими фразами:

«Покажите ему, т. е. народу, «Бѣдность не пороку». Экая невидаль! Пьяный чело-вѣкъ Мало ли ихъ кругомъ? А покажите ему хоромы въ золотѣ, рыцарей въ латахъ, неслышанную добродѣль, небывающее владѣтельство,—онъ будетъ смотрѣть съ интересомъ».

И дальше:

«Играйте народу что-нибудь классическое, напримеръ, молюерскаго «Доктора поневоли», гдѣ ходятъ по сценѣ съ кланстерными трубками, или «Продѣлки Скапеля», гдѣ сажаетъ чело-вѣка въ мѣшокъ и бьютъ его палкой. Играйте «Горе от ума»,—онъ ничего не полмѣтъ: не бѣда, зато тамъ пѣтъ балета, нѣтъ амуровъ и волшебныхъ фей».

Ахъ, господа, волшебная фея—хорошая вещь!

Въ этихъ-то строкахъ и заключается, очевидно, вся «середка жизни», какъ говоритъ кто-то изъ героевъ Гл. Успенскаго, и на этомъ построена вся система веденія дѣла. Такъ и запишемъ, что народъ развращается кланстерными трубками Молюера, но «исправляется» волшебными феями въ коротенькихъ юбочкахъ и громомъ побѣдныхъ барабановъ...

Очень можетъ быть, что это такъ. Но если это такъ, что новаго вносить попечительство? Все это народъ видѣлъ у балетаншиковъ. И проще, чѣмъ устраивать сѣть театровъ, вручить г. Сазонову верховное руководство репертуаромъ,—было воспретить продажу спиртныхъ напитковъ на балаганыхъ и въ окрестностяхъ, что и совсѣмъ не трудно, съ исповедіемъ винной монополіи.

Въ вопросу о вазачествіи новаго управляющаго Московскимъ Воротъ нами получено еще слѣдующее письмо изъ Тулы.

М. Г. г. редакторъ! Просимъ прислать и наши голоса къ тѣмъ, которые полны за И. О. Пальмина.

Артисты тульскаго театра: Ю. И. Лаврова, В. Д. Муравьевъ, Т. Дорогомыжская, Н. Морева, А. М. Максимовъ, М. Бѣликовичъ, Н. Стрѣльниковъ, М. Львовъ, Н. Нефтьевъ-Андреевъ, Е. Славянский, В. И. Антоновъ, М. Н. Пономаръ, И. Г. Кварталовъ, В. Т. Островскій, М. Лидина, С. П. Давыдова, Н. Г. Шумовъ, А. И. Муратовъ.

Драматическіе элементы въ романахъ Достоевскаго.

(Окончаніе).

IV.

„Святая святыхъ“ гения Достоевскаго, ярко знаменующее каждую строчку ямъ написанную и не могущее проникнуть на сцену значительной своей частью вылилось въ „драматическихъ англогахъ“ сѣвернаго богатыря-мистика Ибсена.

Достоевскій и Ибсенъ родственны другъ другу. Достоевскій весь свой гений посвящаетъ „искаію“, ненасытному желанію свѣта, стремленію сорвать повязку съ глазъ. Онъ чувствовалъ, что чело-вѣче-

ЗАВТРАКЪ ВЪ ЧЕСТЬ САЛЬВИНИ.

Г. Давыдовъ.

Г. Радзевъ.

Г. Давыдовъ.

Т. Сальвини.

Г. Чорони.

Г. Телескій.

Г. Карсоловъ.

Г. Юрьевъ.

Г. Сазоновъ.

Г. Жулева.

Г. Горевъ.

Г. Мельниковъ.

скіе глаза его не совершенны, что они отражаютъ „не то“, что тамъ гдѣ-то за „двумя безднами“ (или между ними) сияетъ свѣтъ и красота и разумная воля. Страстно, неуклонно, до безумія, въ грѣхъ и позоръ ищутъ свѣта его герои и умираютъ, не дожидаясь его, ослѣпнувъ отъ одной мысли о возможности увидѣть его. „Это составило бы начало новаго романа“, пишетъ Достоевскій про „обновленіе“ Раскольниковъ: но нигдѣ и намека нѣтъ на этотъ новый романъ „воскресенья“—нѣтъ и не можетъ быть. „Счастье не въ самомъ счастьѣ, а въ стремленіи къ нему“—неоднократно выражался Достоевскій устами своихъ героевъ: перефразируя, можно сказать, что Раскольникову съ Настасьей Филипповной не свѣтъ нуженъ, а стремленіе къ нему *).

Ибсенъ, въ этой сложной мучительной работѣ исканія поднялся ступенью выше (въ смыслѣ движенія къ одной цѣли); Сольнесъ, Гедда Габлеръ, Нора уже не должны были проходить пути, по которому, спотыкаясь, мучительно шли Раскольниковъ, Настасья Филипповна и Иванъ Карамазовъ. Герои Ибсена родились уже въ концѣ пройденнаго ихъ предкамъ пути исканія.

Раскольниковъ всю жизнь слышалъ звукъ жестяного колокольчика въ квартирѣ убитой имъ старухи и грохотъ колесъ, переѣзжающихъ пьянчужку Мармеладова. Мышкинъ видитъ вѣсто солнца необычайный „внутренній свѣтъ“, раскрывающій ему жизнь, т. е. видитъ свою бѣдѣ. Настасья Филипповна, въ чаяніи свѣта и высшей правды, была зарѣзана безумцемъ—одержимымъ Рогожинымъ на ранней зарѣ лѣтняго петербургскаго дня **, „потому что все дѣло было устроено въ четвертомъ часу“. Въ этой смерти на зарѣ вылилась печальнымъ высокохудожественнымъ символомъ вся судьба героевъ Достоевскаго; и въ этомъ символѣ ихъ рокъ. Вся эта семья „ищущихъ“ погибла рано до зари, погибла, чтобы уступить мѣсто Перъ Гинту, Норъ, Сольнесу и Бравду.

* Постѣлѣнная картина передѣлки «Преступленія и наказанія» (изъ каторгѣ) поэтому диаметрально расходится со всѣмъ строемъ, основаніемъ творческаго гения Достоевскаго.

** По разсказу—Лѣтній бѣлыя петербургскія ночи начали темнѣть.

Герон норвежскаго драматурга родились на границѣ, когда еще не кончилась ночь и едва забрезжилъ первый свѣтъ наступающаго дня. Нѣкая полуса мелькнула на востокѣ. Что это? Отдаленное зарево горящей Шпигулиской фабрики? Ответъ голубыхъ фюрдовъ? Занимается ли заря? Или это первыя лучи сѣвернаго сиянія? Герон Ибсена этого не знаютъ. Они рвутся къ нему — къ этому порывающемуся сквозъ тьму лучу... Густой лѣсъ пофѣлѣл, и въ засвѣжавшемъ воздухѣ они, сквозъ рокотъ моря, съ мѣняющимися свѣтъ глазами, услышали голосъ, свой голосъ, голосъ своего, и, который властно зоветъ куда-то, покоряетъ и сулитъ исходъ. И увидѣли они, что паги суть*, и ушли отъ людей за горы сшить себѣ платье, пока—себѣ только. И наступилъ первый моментъ, искупленія грѣхонадевія въ адемі: Ева—первая согрѣшившая—первая и несетъ искупленіе: Нора уходитъ изъ родного дома и Гедда Габлеръ стрѣляется.

Еще нѣсколько, правда, трудныхъ шаговъ въ русскомъ театре—шаговъ, о которыхъ Ибсенъ говоритъ въ прошедшемъ времени и которые взяты сценической интригой драматическихъ пьесоводовъ, и Раскольниковъ, въ звонѣ колокольчика у квартиры убитой слышавшій крикъ своего грѣха, начинаетъ различать голоса людей, пѣвше птицъ и величественный шумъ мохнатыхъ сосенъ; онъ преобразается въ Мерь Гинта. Онъ начинаетъ видѣть смутный, неясный просвѣтъ и отдаленную зарю новой жизни.

И вотъ, съ первыми лучами этой зари, этого просвѣта между деревьями скверенинковского парка***) освѣщается темный хаосъ мыслей, невидимо (для зрителей) кишащій въ головѣ Раскольникова. То, что въ твореніяхъ Достоевскаго глубоко таилось а было недоступно сценѣ—теперь, освѣщенное этими лучами, выносится наружу (правда, въ слабой еще степени), становится видимой, доступной зрѣту сценической рамы. И съ этого только мгновения начинается, строго говоря, драма (какъ форма)—сценическая картина; съ этого только момента—появленіи первого луча—начинается сценичность героевъ Достоевскаго-Ибсена. Ибо сцена (драма, какъ форма) не въ слѣпыхъ исканіи во мракѣ, исканіи невидимыхъ зрительно, а въ борьбѣ свѣта съ тьмой, въ страстныхъ порывахъ объяснить этотъ свѣтъ, объять его, постичь его сущность, вдохнуть, окунуть въ пылкость. Драма не въ бурной таинственной работѣ, располосѣнн и группировкѣ внутреннихъ силъ, стремящихся подготовить кристаллизацию жизни въ символы, а въ борьбѣ кристаллизующихся и выкристаллизовавшихся образовъ съ темными духомъ Дионисіи, съ неведомыми элементами отчаянія и разрушенія.

Въ недрахъ океана, гдѣ царствуетъ вѣчная тьма—бѣды, сомнѣнія происходятъ драмы не менѣе значительныя, чѣмъ на сушѣ и въ воздухѣ: но мы ихъ не видимъ, и для насъ дно океана—это чуждый покой, это символъ абсолютнаго успокоенія. Когда лучъ свѣта проникаетъ въ эту глубину—тогда для насъ тамъ начинается существованіе драмы***).

Съ того момента, когда художникъ пересталъ искать (Достоевскій), а по прекрасному выраженію Ж. Леметра, сталъ „изумляться“, удивляться жизни (Ибсенъ)—Настасья Филипповна превратилась въ Гедду Габлеръ и стала сценичной.

Проникновенія Ибсена линяютъ собою первую главу „новой исторіи („Преступленіе и наказаніе“). исто-

ріи постепеннаго обновленія человѣка, исторіи постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новой, совершенно невѣдомою, дѣйствительностью“. Ибсенъ восполняетъ пророчество Достоевскаго—„... это могло бы составлять тему новаго разсказа“. Преемственность этихъ двухъ талантовъ очевидна — не родственность только, а именно—преемственность.

Символы мятущейся, организующейся мысли не могутъ быть, воплощены въ живые образы сцены. Неясное мистическое начало, царящее въ произведеніяхъ Достоевскаго—начало, изъ котораго они исходятъ и къ которому возвращаются, какъ къ неизбежному року, начало, таинственно властвующее надъ душою дѣйствующихъ лицъ, съ трудомъ проявляется въ драмѣ, гдѣ зритель требуетъ, чтобы все было ясно“. Романы „Идіотъ“ и „Преступленіе и наказаніе“ и другіе, чѣмъ и какъ бы они ни были бы переданы въ драмѣ, не могутъ, въ силу внутреннего соотношенія своихъ частей, вполне удовлетворить требованіямъ сцены. Но своимъ появленіемъ эти „драмы по роману“ сослужили не малую службу театру въ будущемъ, если не въ настоящемъ. Первый, и самый прямой результатъ—эти пьесы должны подготовить почву для драматическихъ писателей, которые у насъ туго припилились и плохо исполнялись. Разумѣемъ прежде всего Ибсена, писателя наиболѣе родственнаго Достоевскому, и въ особенности популярнаго на нашихъ сценахъ. Гауптмана, Метерлинка, д'Аннуцио и др. Можетъ показаться страннымъ, что наша сцена, которой мы удѣляемъ, во всякомъ случаѣ, много вниманія, осталась чужда новѣйшихъ теченій драматической литературы. Нашъ театръ находится въ власти реализма, и съ трудомъ усваиваетъ элементъ романтики и символическій. Достоевскій, писатель, котораго не понимать мы не можемъ, служитъ подготовкой переходу къ новѣйшимъ движеніямъ драматической литературы. Справедливо указываетъ Метерлинка, что драма нашего времени наименѣе выражается въ дѣйствіяхъ вѣшняго характера. Эффекты трагедіи стали менѣе крикливы, болѣе интимны. Они—внутри современныхъ людей скорее, чѣмъ внѣ ихъ. „Неслѣдуетъ упускать изъ виду—говоритъ Метерлинка,—что наша душа часто является, въ нашихъ собственныхъ слѣпыхъ глазахъ, какой-то совершенно безумною силой, и что въ человѣкѣ есть много областей, болѣе производительныхъ, болѣе глубокихъ и болѣе интересныхъ, чѣмъ область разсудка или сознанія“.

Истинная трагедія обыденной жизни, по мнѣнію Метерлинка, заключается въ „статикѣ“, а не въ „динамикѣ“, въ самосозерцаніи ужаса, а не въ прожиганіи его. Это не вяжется съ нашимъ взглядомъ, но несомнѣнно, что и у Достоевскаго, и у Ибсена, и у Гауптмана эта незримая трагедія все болѣе превозмогаетъ трагедію движущихся страстей. Тутъ есть много покаяно для современной души, и потому именно столь увлекательнаго и поучительнаго.

Осипъ Дымовъ.

*) «Бѣсы. Мѣсто убійства Штаова.

**) «Бѣсы.

***). И герои Достоевскаго страдаютъ, томятся, конечно такъ же, какъ и герои Ибсена, но этихъ страданій мы не можемъ видѣть (со сцены), мы ихъ только угадываемъ.

Въ часъ заката за зеленымъ боромъ
Золотая зорька догорала,
Съ днемъ прощаясь, трепетно дышала
И смотрѣла въ даль лучистымъ взо-
ромъ...

И стоялъ печально боръ зеленый,
И смотрѣлъ, тревожно вперивъ очи,
Полный страха къ тѣнямъ мрачной
ночи,
Полный грусти и тоски влюбленной...

На поля спустилась ночь маяя,
Но, какъ прежде, боръ въ безмолвной мукѣ
Смотритъ въ край, гдѣ въ грустный часъ разлуки
Догорала зорька золотая...

А. Измайлова.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Императорскимъ Внутреннимъ Дѣломъ Его величества, Всемилостивѣе соизволилъ на разрѣшеніе согласно ходатайству Совѣта, состоящаго подъ Августѣйшимъ Его Императорского Величества покровительствомъ Русскаго Театральнаго Общества, открыть повѣстную подлинку для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г.г. Ярославль памятника основателю русскаго театра, Ф. Г. Волкову, въ виду наступленія въ юнѣ сего года ста пятидесяти лѣтъ со времени открытія имъ въ этомъ городѣ перваго русскаго театра.

По словамъ московскихъ газетъ, въ настоящее время составляется съѣздъ на сооруженіе движущейся сцены въ Московскомъ Маломъ театрѣ. Проектируется вращеніе только верхней настилки сцены, т. е. пола. Все устройство такого совершенствованія, конечно не мѣняющаго сцену, обойдется, какъ предполагать, около 2-хъ или 3-хъ тыс. руб.

Въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ состоятся спектакли съ участіемъ Сальвини. Первый спектакль — 17 апрѣля, для котораго пойдетъ «Отелло», второй — 20, въ который Сальвини играетъ «Morté civile» («Семья преступника»), третій — 24 (повтореніе «Отелло»).

Сальвини, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ режиссеру русской драматической труппы Е. П. Карову свой большой портретъ, на которомъ сѣлалъ слѣдующую надпись:

«Мои русскіе сотоварищи, такъ хорошо помогавшіе мнѣ въ моихъ двухъ представленіяхъ «Отелло», вечеромъ 8-го и 17-го февраля 1900 г. въ Императорскомъ петербургскомъ театрѣ».

Томасъ Сальвини».

Этотъ портретъ будетъ вставленъ въ раму и повѣшенъ въ артистическомъ фойѣ Александринскаго театра.

Недавно на болгарскій языкъ переведены комедіи: Сухово-Кобылина — «Свадьба Кречинскаго», Соловьева — «Счастливый день», Грибодова — «Горе отъ ума» и драма «Василиса Мелентьева». Всѣ эти переводы принадлежатъ Г. К. Кирову и поставлены паса уже на сценѣ болгарскаго правительственнаго театра «Слава и смѣхъ». Пьеса имѣла огромный успѣхъ.

Въ Львовѣ, въ польскомъ театрѣ, на дняхъ впервые поставлена «Взвѣсть тьмы» Льва Толстого. «Драму Толстого, — заканчиваетъ свой отзывъ писатель Явз Каспровичъ, — слѣдуетъ рассматривать съ психологической точки зрѣнія. Тогда она теряетъ въ вышнихъ глазахъ характеръ простонароднаго произведенія и становится тѣмъ, чѣмъ она есть: великой, торжественной трагедіей души человѣческой, поставленной между добротелью и преступленіемъ».

Совѣтомъ Театральнаго Общества получено изъ Церимъ отчисленіе 30% въ пользу Общества отъ спектакля, устроеннаго 17 января 1900 г. режиссеромъ г. Боголюбовымъ и сфлоренъ Шостакъ, что даю въ кассу Общества 35 р. 50 к.

Въ апрѣлѣ должны состояться торги на театрѣ, принадлежащій Демидовскому дому и извѣстный подъ названіемъ «Театра Неметти». Конкурентами выступаютъ гг. Тушаковъ, Балменталь-Тамаръ и г-жа Шабельская.

15-го февраля въ Маринскомъ театрѣ послѣ 2-го акта «Корделии» при открытій занавѣсъ состоялось чествованіе автора «Корделии» проф. Н. Ф. Соловьева, по случаю 30-лѣтія его композиторской, музыкально-педагогической и профессорской дѣятельности. Въ чествованіи принялъ участіе депутація отъ главной дирекціи Русскаго музыкальнаго общества, отъ петербургскаго и провинціальныхъ отдѣловъ, отъ Императорскаго Театральнаго Общества, отъ Литературно-Художественнаго общества, отъ Императорской оперы, отъ италіанской оперы, отъ Общества музыкальныхъ педагоговъ, музыкальныхъ издательствъ, любителей пѣнія и пр. По случаю своего юбилея г. Соловьевъ получилъ отъ французскаго композитора Массенъ слѣдующее писмо:

Метръ!

Позвольте вашему скромному собрату присоединиться къ чествованію вашего предстоящаго юбилея, по поводу котораго будетъ представлена ваша «Корделия», одно изъ прекраснѣйшихъ нашихъ произведеній, которое произвело въ столь большое впечатлѣніе, если бы было поставлено на одной изъ нашихъ лирическихъ сценъ въ Парижѣ.

Прошу, и т. д.

Массенъ.

Отъ герцога Кобургъ-Готскаго Н. Ф. Соловьевъ получилъ орденъ «За искусство» (Für Kunst und Wissenschaft).

Послѣ спектакля кружатъ литераторовъ и музыкантовъ чествованіе почтеннаго композитора ужиномъ въ ресторани Кюба.

Отдѣлъ бібліотеки Историческаго музея въ Москвѣ, посвященный памяти представителей русской литературы, искусства и общественности, обогатился на дняхъ, какъ передаютъ «Русскія Вѣдмъ», автографами, портретами и вещами Михайла Семеновича Шенкина, а также документами XVIII и XIX вѣка, относящимися къ судьбѣ самого М. С. и его семьи. Шенкинская коллекція, пожертвованная ближайшими родственниками артиста, заключающая между прочимъ подлинную рукопись записокъ М. С., начальныя строки которыхъ писаны рукою Пушкина. Среди портретовъ особый интересъ представляетъ изображеніе артиста, писанное а двухъ старшихъ потомствъ Шенкиныхъ. Среди документовъ — юбилейный адресъ 1855 г., сохранившій подписи почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ того времени; среди вещей — памятная медаль, подаренная артисту извѣстной Рашелью, огромная кукурузная палка съ черникой ио серебру надпись: «Владиміръ Станиславичъ — Михайлу Шенкину», бокалъ М. С. и пр. Пожертвованные музею предметы могутъ считаться лишь основаніемъ шенкинскаго собранія, такъ какъ не мало рукописей, портретовъ и вещей М. С. до сихъ поръ остается во владѣніи его родственниковъ, друзей и знакомыхъ.

О деятельности попечительства о народной трезвости въ г. Минскѣ находимъ слѣдующія краснорѣчивыя свѣдѣнія въ «Сынѣ Отечества». Попечительство существуетъ на средства, (50 т. р. въ годъ для губер.) отпущенныя министерствомъ финансовъ на доходъ винной монополіи. Оно существуетъ уже 2½ года, но сдѣлало очень мало: открыло нѣсколько чайныхъ, въ пользу которыхъ само contributes. Первые два года попечительство лжало голову. Казна бы дѣвать казенныя деньги. Наконецъ, исконое средство найдено: около 40 тыс. р. рѣшено употребить на содержаніе церковныхъ хоромъ: въ Минскѣ при соборѣ, въ уѣздахъ при мѣстныхъ церквяхъ. Въ первый же годъ послѣ этого явилась возможность израсходовать не только 50 т. изъ государственны, но и остатки, скопившіяся отъ прежнихъ 1½ лѣтъ. Городъ привлекъ вниманіе и интеллигенцію въ соборъ, но увеличился ли отъ этого трезвость въ народѣ—неизвѣстно.

Рисунокъ г. Герардова на билетѣ балъ художниковъ.

Балъ художниковъ. Духъ эллинизма живъ среди петербургской публики. Въ этотъ мѣсяцъ пришлось убѣдиться на балу художниковъ 12 февраля. Не только въ декорацияхъ, въ живыхъ картинахъ, processionъ («Торжество красоты—Фриисъ, Церера, Вакхъ, сонмы боговъ. Борьба и пр.). Но и въ отглаженныхъ костюмахъ чувствовался этотъ духъ. Когда Дюгетъ (1-ый призъ), кля въ передъ собой бочку, появился среди черныхъ фраковъ и бѣлыхъ декольтированныхъ, слышалось шопанье въ ладоши одобряющее «браво».

— Гдѣ вы нашли человѣка? спросилъ у мудреца съ фанарисъ.

— Въ буфетѣ, отвѣтилъ суровый чиникъ.

Появился группа деревенской заунывной своеобразное дикое пѣніе действовало на нервы. Уставшимъ живописной группой въ углу они угасали продолжившихъ бархатныхъ конфетая. Очень стильна, оригинальна была группа «Русское богатство», изображавшая воеводу съ супругой, слугою и секретаремъ. Этого послѣдній возбуждалъ недоумѣніе своимъ портфелемъ съ надписью въ родѣ «белогорское аминное общество».

— Что это должно означать? спрашивалъ молодой балабоникъ студента.

— Это, вы видите, иностранцы эксплоатируютъ русское богатство.

— Ахъ, какъ жалъ! А вы танцуете?

Высокій стройный блудникъ нисколько не раскисливается за апаоломенты и считаетъ бласкетти.

— Уже тысяча одна замѣтка! онъ.

Эффектенъ и выдержанъ былъ костюмъ г. Глаголина (второй призъ), молодого артиста Малаго театра. Онъ изображалъ винуш-грека съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

Среди дамскихъ костюмовъ замѣчательнѣе, выдѣляясь, отличались костюмы г-жи Петипа и Визиркиной, затѣмъ Аиды, турчанки и японской. На особомъ возвышеніи находилась царскія ложа, убранная цвѣтами и ярко освѣщенная. Въ первомъ залѣ помѣщалась, красная веранда, убранная цвѣтами и тропическими растеніями. Напротивъ съ были вожжены три жертвенника. Въ кіоскахъ продавались шампанское, швѣты и развѣшывались картины, пожертвованныя художниками. Посреди зимняго сада былъ фонтанъ. Около него находились бѣлые статуи Аполлона и Венеры. Съ потолка спускался огромный стрекоча. Балъ былъ очень веселый и оживленный.

Режиссеромъ театра на Стеклановъ, нѣкто увидѣвши въ попечительствѣ г. Шмитова, замѣчательнѣе артистъ г. Печоринъ.

Малый театръ. Довѣ-Ховъ Эггарай—однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ новопавскихъ драматурговъ. Отличительной чертой его таланта, давню заимкуго русскаго

публики по прекрасной драмѣ «Галеотто», можно считать краснорѣчивую завершу обрисовки замысла. всегда интереснаго, строгіиго и заставляющаго въ душу. Овъ ли-бить драматична краснѣи мастерами или распоряжается, не вызывая или впечатлѣній вѣроятныхъ ужасовъ и придер-жаваясь благороднаго трагическаго тона. Его драматургія прежде всего художественна и заставляетъ зрителя молча спешившаго изложенья. Эггарай являетъ собою рѣдкій примѣръ писателя, обратившагося къ литературѣ лишь въ зрѣломъ возрастѣ. Родился онъ въ 1835 г. и только въ семидесятыхъ годахъ началъ писать драмы. До тѣхъ поръ онъ былъ нѣмцевъ исключительна въ качествѣ математика и профессора въ Мадридскомъ институтѣ путей сообщенія. Въ всекомлю лѣтъ онъ написалъ пѣтый рядъ крупныхъ произведенья, въ числѣ которыхъ выдѣляются: «Галеотто», «Безуміе и святость», «Жена испителя», «Замокъ смерти», «Два фантазма». Литературная автентъ не мѣшала ему быть и выдающимся политическимъ дѣятелемъ: онъ трижды былъ министромъ. Такая равноправная дѣятельность, удачная во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, доказываетъ всепомянуто крупную энергію. Къ сожалѣнію, болышинство произведенья Эггарай не запакою русскимъ артистамъ. «Галеотто» же, превосходило непопавшихъ два года тому назадъ тѣмъ-же труппой Бока, произвелъ въ исполненіи нашихъ артистовъ (въ Михайловскомъ театрѣ, осенью 1899 г.) крайне powerful и воудовольствительное впечатлѣніе. Теперь, въ числѣ Литературно-художественнаго общества поставлена трех-актная драма «Замокъ смерти» въ прекрасномъ переводѣ г. Буревина. Къ содержанію этой драмы мы въ скоромъ времени вернемся, а пока ограничимся тѣмъ, что отличаетъ яркость и красоту основнаго фабулы, находящейся собою великопавное развѣтліе въ рядѣ эффектныхъ сценъ. Мощный и мрачный сюжетъ, перевослѣщъ зрителя въ концѣ тринадцатаго столѣтія, восторгаетъ глубокими и красивыми штрихами. Среди исполненій выдѣлились г. Далматовъ (превосходный графъ Арсенъ) и г. Тивискій, съ болышій благородствомъ передающій роли короля Аррагонъ доктъ-Педру III. Роль Манфреда въполнѣю прежидеуемому поставленъ г. Глаголину, актеру съ прекрасными задатками, которому надо еще много поработать равнѣю, нежелтъ ныступать въ оплетвореніяхъ, требующихъ болышой спешившаго оытности. Декорация въ костюмы очень хороши.

«Замокъ смерти» поставленъ въ бенефисъ г-жи Некрасовой-Колчанской, па долу которой выпало много полопленій. Спектакль закончилъ веселой комедіей Корольова «Свѣтскія затылъ», премію разыгранной г-жамъ Некрасовой-Колчанской, Погодиной, г. Далматовымъ, Тивискимъ, Михайловымъ, Яковлевымъ и др.

Пролянкъ.

3-й очередной спектакль Драматическаго Кружка состоявшійся 13 февраля въ залѣ Пальмовой, привлекъ очень мало публики. Поставленная въ этотъ вечеръ ком. И. Сллова и Н. Ге «Золотая рыбка» была мало разыграна и г-жа Долгина, г-г. Троицкій и Нелінъ заслуживаютъ всяческой похвалы, — какъ артисты, конечно. Но слѣдуетъ ли къ нимъ относиться только какъ къ любителямъ?.. Въдъ какъ труппой кружка уже 14-ть лѣтъ спешившаго дѣятельности, что даетъ право къ исполнителю въ спектаклѣ кружка пределять почти тѣ же требованія, какъ и къ профессиональнымъ актерамъ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые нѣ въ исполнителѣмъ мало Удовлетворены. Г. Троицкій, напр., изображалъ Максимыча чуть-ли не семидесяти-лѣтнимъ старикомъ, что едвалъ вѣрно. Наоборотъ, г. Нелінъ казался чересчуръ молодымъ для полковника Баталіа. Г. Шункову не мѣшало бы вносить болѣе простоты въ исполненіе. Но въ общемъ, спектакль оставилъ все же благоприятное впечатлѣніе. Песнь, поемому, хорошо спелотавиза и каждый знаетъ, что дѣлать.

Новое турне по городамъ црствъ Польскаго и западнымъ губерній въезжаетъ на первой недѣлю. Во главѣ этой поѣздки стоятъ артисты Императорскаго театра г. Писаревъ, Юрьевъ, Панинъ и друг. и г-жи Анненкова-Бернаръ, Шушлова и друг. Репертуаръ: «Пѣны жизни», «Накины», «Міотты», «Галеотто», «Грѣхъ да бѣда» и «Горюшаволячкѣ». Маршрутъ: Лодзь, Венстоховъ, Петроковъ, Кѣльцы, Радомъ, Либавъ, Гродно и Ковно.

Сообщаемъ нѣкоторые біографическія свѣдѣнія о пономчившемъ самоубійствомъ директорѣ Карлъ-театра Юнсура. Въ молодости Юнсуеръ подвизался съ громаднымъ успѣхомъ на первоклассныхъ германскихъ сценахъ въ качествѣ актера и съмѣя за одного изъ лучшихъ представителей акмлау бонивановъ и характерныхъ юнкисовъ. Послѣ двадцатилѣтней удачной актерской дѣятельности онъ становится, директоромъ вѣнской придворной оперы, гдѣ въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1875 — 1880 гг.) проявляетъ множество коренныхъ

реформы. При Юнеръ въ вѣнской оперѣ было впервые послѣ Байрейта поставлено «Кольцо Нибелунговъ» Вагнера. Но, Юнеръ не умѣлъ вести счетъ деньгамъ; постоянныя переселенія въ бюджетъ вѣнской оперы вынудили высшее начальство отказаться отъ дальнѣйшихъ его услугъ. Въ 1881 году Юнеръ взялъ въ аренду вновь выстроенный Ringtheater, гдѣ

† К. фонъ-Юнеръ.

достигла его катастрофа съ пожаромъ. За обнаруженныя упущенія и неисполненіе разныхъ антипожарныхъ постановленій Юнеръ былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, но помилованъ императоромъ. Съ этого влостчаго момента Юнеру не везло, особенно въ матеріальномъ отношеніи. Въ Карлс-театрѣ онъ культивировалъ преимущественно оперетку, но ставилъ иногда драмы и комедіи съ пріязнкими знаменитостями. Онъ познакомилъ впервые вѣскую публику съ Сарой Бернаръ, Коке-номъ-старшимъ, Сальвици, Росси и Дузе. Лѣтомъ 1898 года Юнеръ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ образцовой опереточной труппой. Скопчался онъ на 67 году жизни. Причиной самоубійства явилось совѣтъ не отказъ «Акваріума», какъ сообщалось, ибо Юнеръ долженъ былъ въ теченіе Великаго поста играть со своей труппой въ театрѣ «Неметти», а съ Пасхи по 1-е мая въ Москвѣ у Шульца и затѣмъ, съ 1 мая по іюль—въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Фарсъ. Сезонъ кончается... Пройдетъ бешабашная масленица, наступитъ «дни великіе унынія и поста», и закроются двери большинства петербургскихъ театровъ... И смѣхъ, смѣхъ—пожалуй—«утробный», но все же живнрадостный, замолкнетъ на нѣлыхъ семь мѣсяцевъ въ томъ мрачномъ коллѣ, который называется Паневскимъ театромъ. Для Петербурга фарсъ, въ концѣ концовъ, такъ же необходимъ, какъ тренировка для застоявшейся лошади...

На послѣдней недѣлѣ—цѣлый рядъ «прошальныхъ» бенефисовъ. Такъ, 12-го февраля состоялся бенефисъ г. Сабурова, возобновившаго двухъ-актный фарсъ «Мужъ изъ деликатности». Благодаря прекрасной игрѣ г-жи Грановской и г. Сабурова, эта незатѣйливая пьеса имѣла очень большой успѣхъ. Г. Сабуровъ вполне справедливо считаетъ Бутыркина лучшей своей ролью, да и г-жа Грановская въ роли Сони намъ понравилась больше, чѣмъ въ какой либо другой роли. Эта артистка еще очень недавно на сценѣ, всего года два, но отъ ея исполненія вѣетъ такой простотой, такой искренностью, что ей нисколько прощаютъ нѣкоторую незаконченность въ technikѣ. Довольно ея—своего рода вѣжное растение, которое нуждается въ теплѣ и холѣ, и къ которому слѣдуетъ относиться бережливо и любовно, дабы оно не завяло. Хорошо былъ въ роли капитана Сабурова и г. Горигъ-Горинновъ.

Въ заключеніе было поставленъ новый фарсъ «Свинья», въ которомъ непринципное заглавіе соединяется съ отсутствіемъ адекватнаго смысла.

Въ понедѣльникъ, 14-го февраля, состоялся бенефисъ директора театра «Фарсъ» В. А. Казанскаго, на долю котораго въ теченіи сезона выпала самая неблагоприятная задача—завѣ-

дываніе административной частью. Люди, знакомые съ закулисной стороной театральнаго дѣла, знаютъ сколько труда, энергіи и нервной напряженности требуетъ веденіе хозяйственной части въ театрѣ. Поэтому неудивительно, что г. Казанскій почти совершенно не появлялся въ этомъ сезонѣ въ качествѣ исполнителя. Между тѣмъ, это безусловно даровитый артистъ, что онъ и доказалъ горячимъ исполненіемъ роли кавказца въ возобновленной въ его бенефисѣ пьесѣ «Фаритъ». Послѣ третьяго акта г. Казанскому была устроена овашія: г. Каменскій привѣтствовалъ бенефицианта отъ имени труппы и передалъ многочисленные подарки: часы, письменные приборы, сервизъ и пр.

Вл. Л.—ій.

Интересное дѣло предстоитъ въ саратовскомъ окружномъ судѣ: теноръ г. Михайловъ-Стоянъ обвиняетъ рецензента «Сарат. Листка» г. Миклашевскаго «въ клеветѣ въ печати». Основаніемъ для обвиненія служитъ рецензія г. Миклашевскаго о первомъ дебютѣ г. Стояна въ «Евгеніи Онегинѣ», въ которой, по мнѣнію г. Стояна, допущенъ рецензентомъ выраженіе клеветническаго характера. Мы будемъ слѣдить со вниманіемъ за этимъ дѣломъ, которое дастъ по всей вѣроятности, не мало цѣнныхъ общихъ заключеній.

Провинціальная вѣсти. Лѣтній театр въ Рославлѣ снятъ М. А. Нравинной. Сезонъ съ апрѣля по сентябрь 1900 г. Товарищество.

Ограбленія данина. Въ Нижнемъ-Новгородѣ земское собраніе ассигновало семь съ половиной тысячъ на постройку народнаго театра, что съ прежде пожертвованными составляетъ 20 тысячъ.

Въ Кіевѣ сооруженіе народнаго дома начнется весной; стоимость зданія опредѣляется въ двѣсти тысячъ.

† И. И. Плаутиный. Русскій оперный міръ повеситъ печальную утрату: 31-го января 1900 г. въ 2 ч. ночи умеръ басъ Ильяръ Ивановичъ Плаутиный. Покойный артистъ родился въ г. Ругѣ, Индѣйской губерніи, въ 1864 году. Происходя изъ народа, онъ всей своей карьерой обязанъ

† И. И. Плаутиный.

исключительно неутомимой энергіи, трудолюбіи и способностямъ. Не смотря на всякія препятствія, онъ поступилъ въ рижскую учительскую семинарію, затѣмъ перешелъ въ с.-петербургскую, которую и окончилъ. Хорошій голосъ и врожденныя музыкальныя способности, толкнули его на артистическую дорогу, и въ 1887 г. онъ поступаетъ въ петербургскую консерваторію, въ классъ гиты профессора С. П. Габели студентомъ. Вослѣдствіи онъ усовершенствовался у италянскаго профессора Корси въ Петербургѣ. Лѣтомъ 1892 года, И. И. Плаутиный успѣшно дебютировалъ въ Астрахани, въ оперномъ

«ОТЦЫ И ДѢТИ».

Базаровъ — Г. Бравичъ.

(Набросокъ Третьякова).

товариществѣ подлѣ управленіемъ Н. В. Уяковскаго. Съдующій зимній сезонъ пѣлъ въ Саратовѣ, потомъ въ Казани, Воронежѣ. Сезонъ 1895—96 г. служилъ въ Перми. Лѣтомъ 1896 г. И. И. Плаутицъ простудился и заболѣлъ «пѣисомъ». Болѣзнь постепенно прогрессировала и перешла въ «саркому». Овъ лѣчился въ Казани въ клиникѣ профессора Дорошевича, затѣмъ въ Одессѣ на диванѣ, и по мнѣнію специалистовъ, ему могла помочь только операція; но болѣзнь была такъ сильна, что не вынесъ бы ея, да и болѣзнь пришла очень серьезные размѣры. Последнее время овъ уже не вставалъ съ постели, отнялись ноги, плохо говорилъ, и въ ночь 31-го января, овъ тихо заснулъ, чтобы не проснуться уже болѣе! На первой павильонѣ присутствовала вся оперная труппа, изъ коихъ состоялись импровизированный хоръ. Отъ персикой оперной труппы былъ возложенъ на гробъ усопшаго вѣнокъ. Затѣмъ были вѣтви отъ Пермской городской театальной дирекціи, отъ публики, жены, сестеръ и др. По инициативѣ режиссера оперы Н. Н. Боголюбова, были посланы телеграммы о смерти И. И. Плаутица въ Иркутскъ, Саратовъ, Харьковъ, Москву и Театральное Общество, и отовсюду получились отъ бывшихъ товарищей покойнаго, небольшие суммы на похороны горячо любимого товарища. 2-го февраля состоялись похороны, на которыхъ кромѣ артистовъ оперной труппы, были члены дирекціи пѣтшаго и бывшихъ сезоновъ, и много публики. На отиваніи превосходно пѣлъ большой хоръ, подлѣ управленіемъ бывшаго опернаго артиста, баса А. Д. Городцова. Надъ могилкой покойнаго сказало, очень прочувствованное слово артистъ, басъ В. М. Сапурускій. Похоронены И. И. Плаутицъ въ Перми, рядомъ съ бывшими оперными каналь-мобстеромъ Гайеромъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Самары. 9 февраля въ нашей думѣ разсматривался вопросъ о выборѣ антрепренера. Около двухъ вѣтъ, почти въ каждомъ Ж. Самарѣ Газ. «попѣщали» заявленіи жителей о томъ, чтобы театръ г. Медѣдеву не отдавать. — «Кому хотѣте, — хотѣ старшему сторожу отдайте, но только не Медѣдеву» — говорилъ гласный думъ, членъ театальной комиссіи г. Смирновъ. Почти такого-же содержанія были и всѣ поступившія заявленія жителей, которыхъ насчитывалось до 700. Послѣдніе пролѣ засѣданіемъ думъ были въ миніатюрѣ: тѣмъ, чѣмъ были въ Парижѣ для буланжистской аватюры: по канцеляріямъ, по трактирамъ, по магазинамъ и лабазамъ бѣгали клерки чѣй-то каторы и собиравли подион. Можно, поэтому, судить въ какомъ настроеніи была дума причислѣна къ разрѣшенію вопроса. Залъ и хоры были переполнены публикой.

Кончилисъ, однако, тѣмъ, что дума большинствомъ рѣшила сдать театръ Медѣдеву. Рѣшеніе думъ публика встрѣтила аплодисментами. Сіе!

З.

Изъ Сѣдлца пишутъ. Устраиваемые по временамъ въ собрании, «солдатскіе любительскіе спектакли» достойны бытъ отбѣченными, какъ свѣтлое явленіе. Декорація и обстановка — самыя простыя. Несмотря, однако, на незатѣйливую обстановку, здѣсь ставятся такія серьезные вещи, какъ «Ревизоръ» и другія пьесы. Всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполняются исключительно солдатами. Нѣкоторые спектакли сходятъ прямо-таки педурно. Нечего и говорить, что солдатская игра привлекаетъ большую публику. Не говоря уже о самихъ солдатахъ, которые съ пожирательнымъ интересомъ смотрятъ представленіе, театръ посѣщаютъ офицеры, учителя гимназій, мѣстное чиновничество. Входъ платный (20 копѣекъ съ нерсона).

По примѣру сѣдлецкаго полка, проектируется устройствомъ «солдатскаго театра» и въ красноватскомъ полку города Сѣдлца.

Къ сожалѣнію корреспондентъ не сообщаетъ о репертуарѣ, а это вѣдь главное.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кронштадта. Наконецъ-то намъ городской театръ переданъ въ вѣдѣніе морского министерства. Городское самоуправленіе увѣ, не особенно заботилось о поимѣнѣтій полезномъ учрежденіи у насъ въ Кронштадтѣ. Всѣ театральныя зрѣнція ограничивались тѣмъ, что въ такъ называемомъ коммерческомъ клубѣ устраивались жакіе спектакли съ самыми свѣдѣніи и нитгоинными исполнителями, являющимися свободными отъ ангажемента даже на клубныхъ сценахъ. Морское вѣдомство, прежде всего, приступило къ вышней и внутренней перестройкѣ самого театра. Предполагается имѣть постоянную труппу, особенно въ виду признанной необходимости устраивать особые спектакли для солдатъ и матросовъ.

* * *

Въ субботу, 4 марта, наша симпатичная артистка М. И. Долина устраиваетъ, по инициативѣ кв. М. С. Шербаковой второй симфоническій концертъ, интересъ котораго можно считать прѣвѣчайшимъ. Кромѣ Эд. Колонна, который будетъ дирижировать оркестромъ, участвуетъ Гофманъ и солисты концертовъ Lantouex въ Парижѣ Сѣккіари. Нельзя не поаивиться энергіи и организаторному искусству г-жи Долиной.

* * *

Театральное дѣло въ Нижнемъ-Новгородѣ переживаетъ финансовый кризисъ. На антрепренера Корсикова Андреяна предъявлены многочисленные взысканія. Артисты образовали товарищество.

* * *

«ОТЦЫ И ДѢТИ».

Старикъ Базаровъ — Г. Михайловъ.

(Рис. Третьякова)

17 января въ Тюмени сторѣло «патрушевское подворье» — домъ, гдѣ обыкновенно засѣдала сессія тобольскаго окружного суда. Для занятій окружного суда городской голова предложилъ зданіе... театра. Группа г. Деркача, игравшая въ театрѣ, вынуждена была выхлѣ изъ Тюмени. Большинство артистовъ и оркестръ не получили жалованья.

К. Олигинъ на лѣто снялъ городской театр въ Ромнахъ. Формируется группа.

Художественная постановка „Отелло“.

„Публика Шекспира не любитъ, публика на Шекспира не ходитъ: Шекспиръ скученъ, устарѣлъ для насъ. Какъ его хорошо ни обставляй—онъ уже никого не въ силахъ привлечь“.

Это высказывалось по поводу постановки „Отелло“ въ бенефисъ г. Дальскаго. Но прошло нѣсколько дней,— въ той же роли выступилъ итальянскій трагикъ,— и совершилось удивительное превращеніе: устарѣвшая, томительно-скучная пьеса оказалась жизненной и захватывающей зрителя. Скучны, томительно скучны были только тѣ явленія, гдѣ не участвовалъ Сальвини. Кажущаяся роскошь костюмовъ и декораций не только не помгла, а еще больше мѣшала впечатлѣнію. Такъ и хотѣлось крикнуть: уберите эту золоченую рухлядь, поставьте по шекспировки шесть съ надписью „Кипръ“, это будетъ умнѣе и изобразительнѣе того задора, что подъ видомъ роскошной обстановки подносится зрителю съ подмостковъ образцовой сцены.

Обстановка имѣетъ смыслъ только тогда, когда она логична. Нагромождать ворохъ богатѣйшихъ костюмовъ, надѣть первые попавшіеся парики на головы, поставить талантливо написанныя декорации, не имѣющія никакого отношенія къ происходящему на сценѣ, все это возможно, но выйдетъ изъ этого одинъ сумбуръ, который будетъ только мѣшать, а не содѣйствовать впечатлѣнію.

И уже не буду говорить, что основного тона исполняемой трагедіи не чувствовалось ни въ одномъ артистѣ. Никто не далъ себѣ отчета—какую национальность, и чловѣка какого столѣтія онъ изображаетъ. Это были просто закоммодированные актеры, не умѣвшіе носить плащей и шпагъ, наивно, совершенно по провинціальному, загримированные, и даже связанные въ своихъ движеніяхъ. Ни на одной самой плохой германской сценѣ, въ самомъ глухомъ захолустьѣ, нельзя встрѣтиться съ такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Трагедія открывается видомъ на Большой каналъ въ Венеціи. Художникъ избралъ исходнымъ пунктомъ аріи палатца Контарини, и изобразилъ извѣстную Dogana di Mare, построенную въ 1682 году, а рядомъ церковь S. Maria della Salute—воздвигнутую одновременно съ Доганой. Такимъ образомъ, дѣйствіе драмы сразу переносится въ конецъ XVII столѣтія. Яго и Родриго, появля-

Греза.

Рис. Муха.

пьяся немедленно за поднятіемъ занавѣсы на какую-то площадку передъ жалкимъ домикомъ Брабанцо,—одѣты, впрочемъ, не въ костюмъ XVII вѣка, а просто въ итальянскія праздничныя платья, которыя конечно ни одиѣ поручикъ не надѣвалъ ночью, чтобы таскаться по грязнымъ улицамъ Венеціи. Они будятъ Брабанцо, сонную скорѣе встаетъ и одѣвается. Брабанцо одѣвается въ великолѣпный пурпурный шелковый костюмъ съ мѣховою опушкой. Слуги у него тоже оказываются, не смотря на глубокую ночь, одѣтыми съ пголочкой, и хотя повидимому не сочувствуютъ своему господину, но по его знаку уходятъ куда-то въ переулокъ. У Шекспира этимъ сцена и кончается. Но на Александринской сценѣ нѣтъ чистыхъ перемены, и потому къ дому Брабанцо затѣмъ-то приходитъ Отелло,—именно къ тому дому, къ которому ему совѣтъ не надо ходить. Брабанцо, побѣгавъ по соседнимъ улицамъ, тоже возвращается назадъ и столкнувшись съ похитителемъ дочери ведетъ его въ сенатъ, но уходитъ для того не вѣтѣ, къ двору Дожей, а направо—къ Ральто.

Дождь сидитъ въ залѣ сената. Перилы сенаторскихъ мѣстъ отзываютъ современностью, а потолочка хотя и имѣетъ сходство съ нынѣшнимъ потолкомъ дворца Дожей, но едва ли похожъ на тотъ потолокъ, который былъ до пожара дворца (въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія). Дождь—сдѣнскій, добродушный, напоминающій замоскворѣцкаго лабаника, нисколько не активированъ вѣстами, заставившими его собрать ночью сенатъ. Его сенаторы тоже еще не проснулись и сонно выслушиваютъ ужасную вѣсть о томъ, что турецкій флотъ подплываетъ къ Родосу. Впрочемъ, и матросъ, принесшій это извѣстіе тоже весьма спокоенъ. Правда, но Шекспиру онъ кричитъ еще за кулисами, чтобы его пропустили въ сенатъ съ важными новостями,—и усталый, извѣданный, едва стоящій на ногахъ, почти врывается въ залъ засѣданія. У вѣсть—матросъ изъ самыхъ вѣжливѣхъ придворныхъ: онъ пѣлуетъ полу дожа, дѣлаетъ нѣсколько па назадъ и затѣмъ сообщаетъ вѣсть о туркахъ такимъ тономъ, точно дѣло

Интервьюеръ у больной артистки.

«Ахъ, я такъ страдаю!»

(Изъ альбома Юса Вольскаго).

идетъ о прибытіи въ Венецію мѣшковъ съ горохомъ. Гораздо невѣзливѣе его Брабанцио. Онъ въ своемъ красномъ халатѣ приходитъ въ свѣтъ и садится рядомъ съ сенаторами. Начинается разборъ дѣла о свадьбѣ Дедемоны. Какіе-то тощевскіе офицеры на заднемъ фонѣ картинны, преспокойно усаживаются на скамьи, хотя генералъ стоитъ. Когда дождь со всей своей тѣлѣйшю ухадать, является сауга съ кошичникомъ и тушитъ канделябры, оставляя одну нѣтъ вѣзливости, такъ какъ Яго и Кассио не желаютъ войти въ корридоръ и все сидятъ въ судѣ.

Второй актъ происходитъ на Кшрѣ. Встрѣтъ востѣ, ужасныя тучи несутся надъ моремъ съ быстрой преспокойшею движенье самого быстрого пиклоета. Это не мѣшаетъ палачамъ, не шевелиться и стоять прямо, точно онѣ вырваны изъ желва. Никто изъ народа не одѣтъ въ плаши. Яго щеголяетъ въ бальномъ туалетѣ. Чтобы соединить съ три спены второго дѣянія въ одну картину, приспособлена скокая-то лачуга, гдѣ помѣщается цыганя лавочка, или вѣрнѣе публичный домъ, судя по тѣмъ дамамъ, которые изъ него выходятъ. — У Шекспира пѣтъ публичныхъ дамъ, такъ какъ дѣло происходитъ въ караульнѣ, — но что же переименовать съ кошовникомъ? — Появляются не только дамы, но и гитара, обыкновенная гитара изъ табачной, — и при помощи ея поетъ, жестоко фальшивая, Яго. Но это не въ укоръ исполнителю, — быть можетъ, Яго долженъ фальшивить даже въ пѣснѣ.

Третій актъ — мавританская каловвада. Она потому мавританская, что тутъ живетъ венеціанскій мавръ. Шекспиръ переводитъ разговоры съ Яго и Дедемоной изъ аамки въ садъ, но заправилъ: вѣтъ до этого дѣла, — и все сидитъ на террасѣ. Даже Бьянка сюда приходитъ, что ужъ совсѣмъ негпо.

Четвертое дѣйствіе авторъ продолжаетъ такъ-же, перелѣзъ языкомъ, — адсь Отелло принимаетъ и поощряетъ. На Александринскій сценѣ все продолжаетъ, стоять мавританская каловвада. Но за то интимную сцену съ допроемъ Дедемоны Шекспиръ, конечно, перенеситъ въ закрытую комнату. Это не мѣшаетъ александринскимъ лицедеямъ продолжать ее на той-же террасѣ. Къ счастью, Дедемона ложится спать не на террасѣ, а у себя въ спальнѣ, какъ это вѣстуетъ изъ пятого акта.

Пятый актъ лучший потому, что тамъ почти не говорить Яго, и потому еще, что наконецъ удаляются Дедемона. — Наконецъ веселье доставляетъ, для зрителя поспѣвѣ моменты, когда является Лодовико со всѣми оловни венеціанцами. Намъ показалося, что въ числѣ ихъ выходились и два старыхъ знакомыхъ: курьеры изъ перваго акта, вѣзовавшие юбку у дожа. — Характеры меркантильныхъ расчетливыхъ италіанцевъ здѣсь выдержаны превосходно. Они вполнѣ по изучены ужасныя въ комодѣ генеральши, задуманной генераломъ: онъ даже не хотѣтъ взглянуть на несчастнаго трупъ. Одинъ премилый старичокъ отъ бородакъ какъ будто еще проявляетъ въ-который интересъ, по отвѣченію къ публикѣ, выискивая иппокмхъ въ ложкахъ, — остальные — думаютъ о жатванъ, и только Яго, удивро по спимающій своего чертоваго трико съ серебряной полоской даже во время бурн на морѣ, — осуждается, долге мѣсяши, на пытку въ этомъ самомъ трико, — и заваѣетъ, падаетъ.

Что это? Киртиша венеціанской жизни? Что эти люди — венеціанцы? Что Кассио — это боевой лейтенантъ, красавецъ безаыбтнотъ храбрості? Что Яго — поручикъ, отличенный самымъ главокомандующимъ? Ничего подобаго: это просто — актеры, болѣе или менѣе аучившіе свои роли, но ни одной минуты не подумавшіе о томъ, что они изображаютъ. Подать въ первый показавшіся музей Венеціи, по ху въ Академію, посмотрите на старо-неполіанскую толпу на картинахъ Бельманъ, посмотрите на дожа и сенаторовъ на вышитомъ холстѣ Вордосъ, посмотрите на куртизанокъ Карпанчю, а потомъ уже вѣрнѣе ставитъ Шекспира, въ протѣвѣи на художественность и архео-логическую точность. Для того, чтобы быть грамотнымъ, надо хотя бы быть знакомымъ съ употребленіемъ буквъ — о чемъ мѣняютъ въ-которые представители ученики городскихъ училищъ. Для постановки и исполненія Шекспира надо тоже быть грамотнымъ. Надо помнить, что мало написать въ Кообурга декорации, и сдѣлать костюмъ по Кремеру, Готтштру или Раппинъ. Костюмы какъ и гримъ, должны оправдывать явственный характеръ лица, и хотя вѣскомо соотвѣтствовать архаичному смыслу. Въ противномъ случаѣ — сцена обратится въ складную мастерскую костюмовъ, декораций и бутылочныхъ неценъ.

Rectus.

Режиссерскій отдѣлъ.

(Подъ редакціей Ю. Э. Ожаровскаго).

24. *Преан-римскій костюмъ. Женскій костюмъ.* Подобно мужскому, женскій костюмъ состоялъ изъ нижняго и верхняго одѣянія. Первое представлялось одной или двумя туниками, второе — платьемъ и накидкой. Тунникъ былъ двухъ родовъ: *нижняя* и *верхняя* (вторая обычно вѣнше коротче первой). Нижняя туника являлась или полнѣе подобіемъ мужской (зачастѣнно только длиннѣе), когда она составляла весь нарядъ римлянки (древнѣйшія періодъ Рима) (см. рис. 1) или же доходила только до груди, стягивая у талии и поддерживаясь помощью особыхъ переизвѣз (см. рис. 2). Верхняя туника изготовлялась обыкновенно коротче нижней и снабжалась пологинными рукавами, если рукава нижней туники доходили до кистей рукъ, или же была вовсе безъ рукавовъ, если рукава нижней достигали только до локтя (см. рис. 3).

Верхняя туника обыкновенно переносилась на талии. Въ позднѣе время роль верхней туники у римлянокъ стала играть *столла*, отличавшаяся отъ тунникъ общіемъ складомъ (свѣдѣнствую больше широкими размѣрами) и наискоскомъ юбка, а также особымъ отдѣломъ принашивающимся треномъ — *ниппитой* (см. рис. 4). Стола переносилась обыкновенно одной, два, а то и при трехъ поясахъ.

Верхнее одѣяніе римлянки составляли: *пала* и *рика*. Пала, это полное подобіе мужской тоги, рика-же выкидка для головы и плечъ, изготовлявшаяся обыкновенно изъ легкой, оксвапой матеріи (см. рис. 5 и 6). Иногда верхнюю ириподомъ римокъ дѣлающую, служила особая неподходящая куртка (см. рис. 7). Рика темно-крас-

ваго цвѣта, игравшая роль бичаго пуала невесты, называлась *фламмеукъ*.

Въ древнѣйшую эпоху женщины носили исключительно бѣлая одѣянія; единственными украшеніемъ ихъ была пурпуровая шнуръ. Но позднѣе вошли въ употребленіе цѣвныя ткаи: пурпуровая, арко-красная, фиолетовая, зеленая, арко-желтая, пилонны съ пестрыми узорами по краямъ. Въ эпоху императорскаго Рима встрѣчались одѣжды богатѣвѣвшія серебромъ и даже золотомъ. Обыкновеннымъ матеріаломъ для матеріи, изъ которыхъ изготовлялось платье римлянокъ, служили ленъ, шерсть и шелкъ.

Обува. Сельскіе жители или новсе не носили вышковой обуви или же прибѣгали къ деревяннмъ, а кожанымъ, савдѣлившимъ съ ремнями. Городскіе жители носили самую разнообразную обувь отъ простыхъ кожаныхъ сандалій и грубыхъ кожанныхъ, же башмаковъ *кальцеусовъ* темныхъ цѣвтовъ до вычурныхъ, пурпурныхъ, брововымъ орнаментомъ, цѣвтовыхъ полушубковъ (см. рис. 8). При тогъ римскій гражданинъ обязанъ былъ казѣвать калъцеусы. Кальцеусы были разныхъ цѣвтовъ: красные или фиолетовые служили признакомъ патриціанскаго достоинства; черные съ серебрянымъ поутыищемъ на подѣбѣ — были принадлежностью костюма сенаторовъ, бѣлые съ

красными каменьями — консуловъ и диктаторовъ. Солдаты носили особая сандалии, состоявшія изъ грубыхъ кожаныхъ подошвъ, подбитыхъ гвоздями, и пары кожаныхъ же ремней, пальцеобразно обвивавшихъ ногу до самыхъ икръ и вазывавшихся *калмеили* (см. рис. 9). Женские башмаки (*калмеили*) изготовлялись изъ мягкой бѣлой, красной, желтой или темно-зеленой кожи и различными образами украшались (въ позднѣйшее время — жемчужомъ и драгоценными каменьями) (см. рис. 10). Встрѣчались также у римлянъ и кожаные чулки, и перчатки.

Растительность на головѣ, прическа, головные уборы и драгоценныя украшения древнихъ римлянъ. Римляне отличались подобно грекамъ, обильною растительностью хотя и не столь темнаго цвѣта, какъ у послѣднихъ. До конца III-го вѣка до Р. Хр. римляне не стригли волосъ ни на головѣ, ни на лицѣ, и только съ этого времени граждане ввели въ обычай довольно коротко стричь волосы на головѣ и брить ихъ на лицѣ (важная съ 40-лѣтняго возраста — до этого возраста борода только подстригалась). Римляны первыхъ вѣковъ носили волосы, скромно ниспадавшие естественными локонами на плечи или же собранные въ кружокъ на темени; въ болѣе позднюю эпоху замѣчается безконечное развитие самыхъ причудливыхъ и пышно скобинированныхъ причесокъ до искусственныхъ париковъ изъ свѣтлыхъ волосъ включительно. Рисунки 11—14 даютъ нѣкоторое представление объ этомъ разнообразіи. Разумѣется, въ указываемыхъ здѣсь прическахъ римляны не обходились безъ помощи шпильки и повязокъ. Шпильки изготовлялись изъ жѣды, серебра, золота, слоновой кости и пр. Повязки украшались (въ противоположность греческому обычаю) не только золотомъ, но и жемчужомъ и драгоценными каменьями. Римлянами носились также пагобники и корсики, изъ золота съ каменьями. Изъ драгоценныхъ украшеній въ большомъ ходу были ожерелья, серьги, шейныя цѣпочки, браслеты (обыкновенно изображающіе змѣю) на рукахъ, а у тавроянцевъ и на ногахъ, кольца, ваковеты, пряжки и застежки на платья.

Ю. О.
Поправка. Въ очеркъ мужского костюма (№ 7 журнала) терминъ *трабеа* всюду ошибочно впечатанъ *требеа*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отвѣтъ 13-й (А. В. Сергееву). Подробляя указавія по интересующему Васъ вопросу Вы видите въ письмѣ, отправленномъ Вамъ 14-го февраля.

Вопрос 14-й (С. А. Колосова — къ Херсонъ). «Какой порядокъ наиболѣе справедливъ и желателенъ при распределеніи бенефисовъ: по жребію или по личному усмотрѣнію аттестаторовъ?»

Отвѣтъ 14-й (то же). «Должны ли на вызовы публики выходить всѣ безъ исключенія главные персонажи пьесы, даже, если бы ихъ не вызывали по фамиліямъ, вслѣдствіе слабой, неудовлетворительной ихъ игры, т. е. должны ли артисты выходить на вызовы всѣ, какъ это принято у любителей, или только тѣ, которыхъ публика вызываетъ?»

Вопрос 15-й (то же). «Должны ли на вызовы публики выходить всѣ безъ исключенія главные персонажи пьесы, даже, если бы ихъ не вызывали по фамиліямъ, вслѣдствіе слабой, неудовлетворительной ихъ игры, т. е. должны ли артисты выходить на вызовы всѣ, какъ это принято у любителей, или только тѣ, которыхъ публика вызываетъ?»

Отвѣтъ 15-й. Если въ труппѣ господствуетъ, благодаря усиленіямъ дирекціи и режиссера, ансамбльное наравленіе (желательный порядокъ), достигающее того, что исполнители всѣхъ ролей дѣлаютъ актъ нахвата на должной высотѣ, то, разумѣется, на аплодисменты и вызовы (хотя бы нѣсколькихъ пьесъ) слѣдуетъ выпускать не только участниковъ акта и только послѣ нѣсколькихъ оуспѣховъ заставясь, въ виду требованій публики, выдѣлать вызываемыхъ изъ отдѣльной труппы; если же труппа, какъ это, къ прискорбію и вѣдомости обыкновенно, держится въ нѣсколькихъ любимахъ, публики, то не мудреному дукаво, выпускать на вызовы по указанію публики.

Отвѣтъ 16-й (М. М. Бессонову — въ Казани). Списокъ книгъ будетъ Вамъ сообщенъ письмомъ. Въ число членовъ Русскаго Театрального Общества можно вступить всякому, сочувствующему его задачамъ-типу, хотя бы это лицо и не было причастно сценѣ. Годовой членскій взносъ 5 рублей. Съ уставомъ и дѣятельностью Общества Вы можете ознакомиться у мѣстнаго агента Общества, конитъ недавно назначенъ, состоятъ секретари губернскаго правленія Николай Николаевичъ Михайловъ (канцелярія губерняторовъ). Адресъ Правленія Общества: Слб. Караванная 9.

Вопрос 17-й (М. Шумскаго — къ Воронежъ). «Изъ какихъ произведеній должны состоять первые уроки декламатіи, и, вообще, какими произведеніями долженъ пользоваться начинающій артистъ?»

Рисунки къ статьѣ Юр. Озаровскаго (См. № 7).

Туника обычн. Туника широкая. Туника астеря. Туника полосатая.

П. Тога. Тога. Тога риста.

Сагуль. Пенула. Кукулаузе. Тога риста познѣе. перила.

Бревио. Полуаментумъ. Лапериа.

Опытъ 17-й. Всякій систематическій курсъ декламации должень включатьъ техническими упражненіями (лѣкціи), за которыми слѣдуетъ уже занятія и художественной стороной чтенія. Художественное чтеніе слѣдуетъ начинать съ простѣйшихъ видовъ поэзіи (описаніе, повѣствованіе, разсказъ) и переходить постепенно къ болѣе сложнымъ видамъ (лирика, баллада, басня, поэма, романъ, сатира, драма съ ея разновидностями). Въ прозожденіи ролей полезно придерживаться такого порядка: шутки, водевилъ, небольшая комедія, серьезная комедія, драма—и свѣчала роли въ прозѣ, потому—въ стихахъ. Роли выбирать, хотя и такія, которые очевъ нравятся, но по силамъ—въ Вашихъ давнихъ.

Театральныя замѣтки.

Московскій Художественно-Общедоступный театръ вызвалъ очень живой обмѣнъ мыслей и въ печати, и среди театраловъ. Одинъ театралъ, или титулъ его оффиціальнымъ впаіемъ—одинъ извѣстный, „сценическій дѣятель“ замѣтилъ какъ-то въ разговорѣ:

— Ну, какого-же добра можно ждать отъ театра, гдѣ играютъ Тютюкины?

— Какіе Тютюкины?

— А это я называю театральнѣю анонимности... Одишь-ли, другой-ли играетъ—все равно Тютюкины, безъ дарованія, и всѣ другіе на другъ похожи.

Таковъ взглядъ сценической рутины, полагающей, что хорошій спектакль—это случай убѣдиться въ талантахъ актеровъ: одинъ „блестуль очаровательно“, другой— „блестуль очаровательно“, вотъ и спектакли. Коллективность сѣхивности съ общирательностью. Базъ—это княжна Маря, Зина и Мими, всѣ въ разныхъ платьяхъ, и танцами дирижируетъ адъютантъ. Но театръ совѣтъ не то. Театръ есть родъ пылаго, наиболѣе близкаго, святеческого искусства, хотя и не самостоятельнаго въ своей основѣ. Онъ покоится на совокупныхъ успѣхахъ, объединенныхъ общей идеей и общимъ пониманіемъ, и какъ въ картахъ итъ, красныхъ лій, самихъ по себѣ, но лишь такіа лия, коихъ красота зависитъ отъ окружающихъ тѣей, и въ обществѣ, отъ всего цѣлаго,—такъ и въ театръ только то хорошо и красиво, что цѣлесообразно въ интересахъ цѣлаго и общаго.

Я видѣлъ только одну пьесу на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра, я потому воздержусь отъ общаго заключенія. Но то, что я видѣлъ, свидѣтельствуеъ, но неясномъ случаѣ, о полномъ терпѣнствѣ этого начала. Шель „Дядя Ваня“ Чехова—одна изъ интереснѣйшихъ пьесъ нашего репертуара. Я предполагаю, что читатели она извѣстна, и не буду передавать ея содержанія. Да и не въ содержанія, не въ интригѣ дѣло, а въ томъ духѣ, которымъ пьеса принята, въ настроеніи, которое она излучаетъ, въ полнотѣ, которыми она замѣчательна. Основной тонъ г. Чехова—это „эпизодичность существованія“. Кажется, жена профессора въ „Дядѣ Ванѣ“ именно такъ и говоритъ про себя: „Я эпизодическое лицо“. Но эпизодичность есть главнѣйшее свойство всѣхъ чеховскихъ героевъ. Скажу больше: эпизодичность есть основное свойство фла-

тази и художественнаго міроощущенія г. Чехова. Г. Чехова уверкали въ „протоколизмъ“, въ „безразличіи“ и еще въ чемъ-то. Если не ошибаюсь, на безразличіе г. Чехова обратилъ особенное вниманіе г. Михайловскій, и смыслъ его замѣчаній былъ таковъ, насколько мнѣ память не вѣдываетъ, что г. Чеховъ шипеть все, что видить. Это не совѣтъ такъ, или вѣрнѣе, совѣтъ, не такъ. Есть разница между протоколированіемъ дѣйствительности, приносящимъ пѣз неспособности осмыслить связь людей, пещей и событий, и протоколированіемъ частности, потому что общаа система, планъ, цѣлесообразность окружающаго подвержены глубокому сомнѣнію и не чувствуются авторомъ. Въ одномъ случаѣ, частности, такъ и остаются частностями, соединенными лишь механически, интригомъ-ли, или бытомъ,—во второмъ,—получается пѣзнательная картина частности, которая потому именно и пѣзнательна, что въ безсистемности чувствуется отголосокъ душевнаго строя, не способнаго успокоиться въ какой-либо видимой и ощутимой цѣли, ибо цѣли эти оказываются призрачными и замолотными.

Г. Чеховъ чувствуетъ, мыслить я воспринимаетъ жизнь эпизодами, частностями, ея разбродомъ, ея, если можно выразиться, безцѣпными парадоксами, пѣтъ не пересѣкающимися, по крайней мѣрѣ, въ видимой плоскости. Эпизодичны люди; эпизодичными кажутся на первый взглядъ ихъ судьбы; эпизодична жизнь, какъ осколокъ безконечнаго процесса, не намя начатаго и не ваян кончающагося. Связь людей временная, искусственная. Люди сходятся и расходятся. Люди живутъ каждый самъ за себя, немножко любя, немножко страда... И будучи эпизодами общей жизни, не осмысленной ил цѣлю, ни идей, ни стремленій, они остаются эпизодами въ своей внутренней сферѣ. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ „Дяди Вани“ не выполнилъ своего предвѣрствія, никто не можетъ сказать, что совершилъ ил, предѣлахъ земныхъ все зное, или по крайней мѣрѣ, отлился во что либо нолгѣ законченное и установившееся. Настроены, чувства, страсти—все здѣсь эпизодично. Эпизодична страсть Астрова къ жевѣ профессора, эпизодично увлеченіе дяди Вани. Даже дѣвичій романъ Соня—тихий, скромный, сѣренкѣй эпизодъ, ворованій ни минуъ въ ея жизни, полноту чудоваго спокойствія. И пребываніе профессора—эпизодъ. „Уѣхали!“ восклицаютъ всѣ въ послѣднемъ актѣ. Эпизодъ кончился, не оставилъ, по внутреннему закону эпизода, никакого замѣтнаго слѣда. Ничто не замѣнилось. Трепещи смерчокъ, стучать костями съетовъ, тихо плачетъ Соня, и во всемъ, въ этомъ цѣлѣй сверчка, въ стукѣ костяшекъ, въ плачѣ Соня, слышится одно: эпизодъ! эпизодъ! эпизодъ!

Выстрѣлъ дяди Вани, столь поразившій строгахъ и едва ли особенно проницательныхъ судей московскаго литературно-театрального комитета, ваврлованныхъ пьесу,—тоже эпизодъ. Потому выстрѣлъ и недостаточно мотивированъ. Онъ не можетъ быть волигъ мотивированъ, ибо онъ эпизодъ, случайное столкновение разбредшихъ въ равныя стороны силъ. Дядя Ваня стрѣляетъ, пуля попадаетъ въ тѣло, куда надо... Муля эпизодична, какъ и все, что здѣсь происходитъ...

Такъ представляется мнѣ не замыселъ г. Чехова, а органическое свойство его таланта, его темперамента. На сценѣ слѣдуетъ все это выразить, усилить, показать. Во-первыхъ, частности, играющія главную роль въ пьесѣ, очевидно, должны вліяться и главнымъ предметомъ заботъ режиссера. Во-вторыхъ, такъ какъ здѣсь все эпизодично и „мудно“, то пѣзнательная недоконченность есть первѣйшее усло-

Балъ художниковъ.

Рис. П. И. Ассатурова.

віе исполненія. Тотъ реалистическій пріемъ толкованія, который требуетъ, чтобы все совершающееся происходило по закону достаточнаго основанія, не заключающаго въ себѣ и тѣни неожиданности, очевидно, здѣсь неумѣстенъ. Наоборотъ, все дѣло въ неожиданностяхъ, въ недомолвахъ, въ нелу-законченныхъ вспыхахъ. Слышали вы въ тихую, дремлющую ночь, то-ли ключъ внезапно забилъ на дѣлѣ, то-ли какое нибудь воздушное теченіе, невидимое для глаза, пробѣжало по дремлющимъ струямъ... Всплеснетъ, волна и замретъ, и снова тихо...

Режиссеръ Художественно-Общедоступнаго театра обнаружилъ замѣчательное чутье, ставя „Дядю Ваню“. Точно—какъ будто мы въ застывшемъ царствѣ. Начните съ декораций. Старый, престарый помѣщичій домъ, съ обязательными круглыми столбами, посреди комнатъ. Всѣ вещи и предметы—чистенькіе, пречистенькіе, но ветхозавѣтные. Какъ будто все здѣсь находилось подъ стекляннымъ колпакомъ, и только потому не засижено мухами и не оутано паутиной. Неудачной показалась мнѣ только декорация перваго акта, напоминающая какой-то полуразрушенный коттеджъ. Открывается занавѣсъ,—качаются качели: мѣрно, ронно и продолжительно. Всѣ акты, вообще, начинаются съ паузы. Паузы являются какъ бы интродукціей по внутреннему міру этой застоявшейся жизни, гдѣ возможны только эпизоды движенія и страстей, но не ритмическій, выполненный кругооборотъ. Особенно характерный міръ во второмъ актѣ. Профессоръ сидитъ у стола, протянувъ ноги; близъ него жена. Въ садѣ открыто окно. Парусиновня занавѣски колышетъ вѣтромъ. Потомъ начинается капать мелкій дождь, потомъ сильнѣе—собирается гроза. Раздается звонъ, одинокій, случайный, разбитаго стекла. Окно запирается, и снова мѣрный шумъ падающихъ капель. Да, природѣ, въ ея вѣчныхъ, медлительныхъ, несуетливыхъ проявленіяхъ, здѣсь должно быть отведено много мѣста, ибо только природа, быть можетъ, одна и живетъ здѣсь какою-то таинственною, но планомерною жизнью—все же остальное, и прежде всего мы сами—недоумѣливыя эпизодически личности, бродящія

безцѣльно въ равныя стороны, какъ лѣтнія мухи по стекламъ закрытаго окна...

Верхъ режиссерской постановки, въ смыслѣ, подробности и колорита,—это послѣдній актъ. Какой-то неизвѣстный мнѣ совершенно, приборъ передаетъ съ поразительною точностью вѣздъ лошадей и повозки на деревянный помостъ, какой бываетъ передъ домами. Какъ разъ въ нужномъ мѣстѣ, когда полезно сдѣлать паузу, оборвать, замолчать,—вторгается этотъ шумъ, дробный, гулкій, и возмущаетъ, что сейчасъ наступитъ конецъ эпизода. И точно, еще нѣсколько дробныхъ ударовъ по дереву, тише, тише—и эпизодъ кончился. Тишина. Нѣсколько мгновеній тишины, и раздается пѣсня сверчка, эта музыкальная симфонія заснувшей жизни... Соня говоритъ свой монологъ. Телѣгинъ играетъ тихо на гитарѣ, старая дама читаетъ свои брошюры, няня вяжетъ чулокъ—каждый самъ за себя, каждый въ своей скорлупѣ, самостоятельно—все случайные эпизоды, случайно собравшіяся въ одной комнатѣ.

Тѣмъ пѣсы — тягучій, замедленный, весь на паузахъ. Быстрый темпъ означаетъ быструю смѣну настроеній, сильное движеніе страсти. Здѣсь нѣтъ этого. Здѣсь не спѣшать, потому что ни у кого нѣтъ такого дѣла, ради котораго стоило бы торопиться. Астровъ нѣсколько разъ во второмъ актѣ предлагаетъ Телѣгину сыграть на гитарѣ, и каждый разъ тотъ дѣйствительно играетъ, а не дѣлаетъ только видъ, что играетъ, какъ это обыкновенно принято въ нашихъ театрахъ. Эти такты Астровъ запонываетъ мимикой, подулпской, какими-то ритмическимъ подергиваньемъ плечъ, пополамъ съ внезапною задумчивостью, набѣгающею на его чело. Вся сцена ведется въ четверть тона, не въ смыслѣ шепота, какъ можно было бы подумать, но въ смыслѣ затыканья,—проблывательно такъ, какъ происходить въ самой жизни.

Такова характерная черта ансамбля Художественно-Общедоступнаго театра въ видѣнной мной мѣсѣ. Ансамбль, какъ я уже имѣлъ случай выразиться, не въ томъ, что всѣ знаютъ роли, и всѣ болѣе или менѣе приближаются къ изображаемому ими лицамъ, но главнымъ образомъ въ томъ, что всѣ играютъ въ одномъ „ключѣ“, что какъ въ оркестрѣ, всѣ инструменты настроены по основному „la“, которое дано

кларнетомъ. Отсюда гармонія исполненія, раскрывающаго духъ автора, въ его самыхъ сокровенныхъ намереніяхъ и отбѣхахъ, и дѣящиеся, неизгладимые впечатлѣніе спектакля.

Актеры Художественно-Общедоступнаго театра, въ общемъ, еще мало опредѣлившіеся за исключеніемъ г. Стаиславскаго, не только умно, но и прямо очень талантливо игравшаго Астрова, да пожалуй, г-жи Лилиной, обнаружившей въ роли Соня несомнѣнную нервность, хотя и неопытной въ тоже время,—прочіе исполнители показались нѣсколько средняго достоинства. Комекъ г. Артемъ, игравшій Телѣгина, суховатъ; г. Лузскій—профессоръ играть не безъ напряженія, и роль нѣсколько болѣе прекрасно сдѣлана, нежели талантливо воссоздана; г. Вишневицкій—недостаточно трогателенъ въ роли дяди Вани, а г-жа Кишперъ, жена профессора, актриса, какъ будто лишняя ярасокъ и художественнаго воображенія. Но публика едва-ли это замѣтитъ. Публика увидитъ чрезвычайно колоритную картину, гдѣ не только всѣ исполнители играютъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыми написаны, но и въ томъ духѣ, въ какомъ ихъ задумалъ г. Чеховъ.

Я не берусь высказываться о театрѣ по одному спектаклю. Можетъ быть, это общій манера режиссера, въ данномъ случаѣ воплотившаяся въ духу г. Чехова; быть можетъ, наоборотъ, исполнители въ другихъ пьесахъ болѣе отвѣчающихъ въ духу, играютъ ярче, чѣмъ въ „Дядѣ Ванѣ“. Но ноть выводъ, къ которому я пришелъ, сравнявъ два театра, двѣ пьесы въ двухъ авторовъ. Неполный и неправильно поставленный Тургеневъ, ставяющій въ исполненіи талантливыхъ актеровъ, впечатлѣніе томительной скуки. Отлично разученный и разработанный Чеховъ, оставляющій въ исполненіи малоопытныхъ, начинающихъ актеровъ—гг. Тютюкиныхъ—впечатлѣніе, полное интереса и новизны...

А. К—ель.

ПЛАСУНЬЯ.

(Повѣсть.

(Продолженіе *).

Первый выходъ пришелся въ апрѣльскій солнечный день, когда тротуары и мостовыя совсѣмъ просохли, и въ городѣ не было еще обычной пыли, выдающей глаза обывателямъ. Таня готовилась къ этому выходу, какъ невеста къ вѣнцу. Кокетливо распустила волосы, перевязавъ ихъ повязку, на затылкѣ, пуговкою левточкою, затнула свою тонкую талию старинными корсетомъ, доставшимся ей отъ покойной матери, облеклась въ сооруженную ею кофточку изъ свѣтлой матеріи и коротенькую коричневую юбку, надѣла длинные розовые чулки не первой свѣжести, которые ей раздобылъ гдѣ-то Алексѣевъ и сооруженные Савельевымъ туфли. Туфли были топорны, грубы и жалко, но фазонъ былъ модный. Савельевъ самъ обулъ Таню и долго любовался своимъ произведеніемъ.

Алексѣевъ одобрилъ искусство Савельева и взавлаивая на спину шарманку, сказалъ: „ну, Танюша, пойдемъ на публику. Первымъ дѣломъ, перекрестись, да попроси у Бога благоволенія“.

Алексѣевъ поглядѣвъ на образъ и самъ нѣсколько разъ перекрестился. Таня поглядывала его прищуривъ; то же сдѣлала и Савельевъ, провожавшіе артистовъ.

— Богъ на помощь вамъ!.. сказалъ Савельевъ, ударяя своей рукой въ ладоши Алексѣева и крѣпко покаявъ руку шарманщика. Савельева поцѣловала Танюша.

— Съ Богомъ!..

Сосѣдніе обыватели, вакаунгъ еще оповѣщенные Савельевымъ, что Алексѣевъ съ своей пріемной дочерью выходить съ завтрашняго дня на представленіе и что Танечкѣ соорудили новое платье и башмакъ—глядѣли на артистовъ въ окна и внимательно разсматривали Таню. Утро стояло ясное, погожее; на безоблачномъ небѣ блестяще весеннее солнце, ласковый вѣтерокъ едва дотрогивался до щечекъ Таня и слегка шевелилъ ея волосы и края короткой юбки; щебетала ласточка, ворковала изъ крылатыхъ голуби, и все говорило о пробуждающейся послѣ долгаго зимняго сна жизни. Алексѣевъ искоса взглянулъ на Таню и замѣтилъ, что въ лицѣ начинающей артистки загораетъ молодая, полная надеждами жизнь. такая же сіяющая и свѣтлая, какъ весна. Настроение было приподнятое, но вѣтеръ съ тѣмъ и робко: а какъ-то отнесется къ нимъ публика. На своей улицѣ артисты не останавливались. Во-первыхъ, меланъ было разсчитывать на сборъ, а во-вторыхъ—небыло знатокомъ дѣла: улица была заселена чернорабочими, трудовыми людьми. Затѣмъ они повернули къ переулку, изобилующій заборами съ длинными надписями досужихъ сквернослововъ и наконецъ вошли въ центръ, къ купеческимъ рядамъ, гдѣ тотчасъ же собрали вокругъ себя многочисленную публику. Алексѣевъ поставилъ шарманку и началъ играть что-то изъ „Копыта Горбуна“, Таня встала въ позу, Алексѣевъ ожидалъ, что якая танцовщица сконфузится, и притомъ уже одобряющія слова, но ошибся. Таня великодушно исполняла свою роль. Зрѣлище было ново и занимательно для толпы. Купцы бросили игру въ пашки и чепеліе и вышли изъ лавокъ поглядѣть на „представленіе“.

— Ловко! Ляжками здорово подбрасывается. Сичастъ видно, что ученый танецъ, одобряли купцы: безъ науки этикіи манеромъ ногами не подшвырнешь... Ловко!..

Даже какой-то чернорабочій, сѣвшійся съ кулкомъ на спитъ, остановился передъ зрѣлищемъ и съ улыбочкой глядѣлъ на танцовщицу.

— Вотъ дѣла-то! трянулъ онъ головой, обращаясь неизвестно къ кому.

— Откашрываетъ, лихо, отозвался на его замѣчаніе также прикованный къ этому зрѣлищу мѣшанинъ въ дѣянополномъ казюльѣ.

Неодобрительно только смотрѣла на это представленіе какая-то собенная старуха съ каюкой, одѣтая вся въ черное. Она выражала свое неодобреніе стоявшей позѣ нея круглолицей бабѣ, съ густѣйшею улыбочкой на широкомъ, лунообразномъ лицѣ, распылавшейся у нея до самыхъ ушей.

Толпа виднѣла обрѣзаннаго „искусство“ и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на изгибающуюся, топенную въ своеобразно-границіозную фигуру Таню. Алексѣевъ, ободренный и приподнятый свѣдѣстью и граціей своей Танюши, съ болѣющимъ жаромъ и одушевленіемъ вертѣлъ рукоятку инструмента; онъ хотѣлъ вложить въ его механическое пліе всю

свою душу, пожалуй и самъ заплѣ-
бы съ нимъ, если бы хватило голо-
совыхъ средствъ. Теперь онъ побаи-
вался только за то, что Таня
забудетъ окончить свой балетъ кинк-
сеномъ и улыбнуться такъ, какъ
училъ онъ ее своею собственною
мимикой, рисуя ей великіе образцы
Ваземъ, Соколовой, Петипа... Но
Тани изъ финала вышла съ че-
стью. Она сдѣлала идеальный ба-
летный кинксенъ, присѣвъ на одну
ножку и отставивъ назадъ другую.
Глазки ея блестяли, улыбка свер-
кала на всемъ личикѣ, а румяныя
губки обнажали рядъ бѣлыхъ, моло-
дыхъ ея зубокъ. Алексѣевъ связалъ
шляпу, поклонился и подождалъ ее
на шарманку ввизъ дуомъ. Въ шля-
пу посыпались пяточки, гривенпочки,
а одинъ меценатъ изъ самоварниковъ
раскошелся даже на два пятацты-
ныхъ.

Но самый шумный успѣхъ на
долю плясуны выпалъ воалѣ трак-
тира Козырева, именуемаго „Эрми-
тажемъ“. Впрочемъ, позвольте ска-
зать объ этомъ „Эрмитажѣ“ нѣ-
сколько словъ.

V.

„Эрмитажъ“ помѣщал-
ся въ огромномъ бо-
ломъ зданіи, называв-
шемся своими тремя эта-
жами надъ базарною пло-
щадью. Посреди этого
зданія, во второмъ этажѣ
висѣлъ балконъ, двери
котораго были раскрыты
въ залу; эта зала нѣ
зимній сезонъ служила
соблазнительною приман-
кою для лицъ, ищущихъ
сильныхъ ощущеній.
Тамъ была небольшая
сцена, кулисы, красный
занавѣсъ, струнный ор-
кестръ, состоящій изъ шестичеловѣкъ музыкантовъ, ис-
полнявшихъ разные номера и поголовно страдавшихъ
запоемъ. Но, конечно, не оркестръ привлекалъ въ
эту залу многочисленную публику. На сценѣ пѣлъ
хоръ русскихъ пѣвицъ и разсказывалъ уморительно-
скробревыя сцены „извѣстный“, какъ значилось въ
афишахъ, „разсказчикъ Горбуновъ второй“. Это
былъ высокій, худой, красноносый субъектъ съ си-
нними щеками и подбородкомъ выходившій къ пуб-
ликѣ въ поношенной фракной парѣ. Когда онъ
былъ „не въ ударѣ“, а это случалось всегда, если
ему переставали вѣрить въ буфетѣ, юморъ превра-
щался въ пошлость и публика раздѣлялась на два
лагеря. Оптимисты аплодировали и кричали „бисъ“,
пессимисты шикали. Последнхъ разсказчикъ не
любилъ и, выходя на бисъ оптимистовъ, преподно-
силъ всегда пилюлю шикащыхъкамъ. — „Разскажу
вамъ объ одномъ дурачкѣ, который шикалъ знаме-
нитому разсказчику Горбунову номеръ второй“, —
начиналъ онъ безцеремонно къ вѣщему восторгу
оптимистовъ, покрываемый аплодисментами и дру-
жнымъ хохотомъ своей партіи и вызывалъ еще болѣе
злостное шиканье пессимистовъ. Но разсказчикъ не

КАРНАВАЛЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

На балу въ Латинскомъ
кварталѣ.

смущался оппозиціею и говорилъ: „знаменитый раз-
сказчикъ спрашиваетъ дурака: чему ты шикаешь,
если ты ничего въ искусствѣ не повинаяешь? А ду-
ракъ ему вмѣсто отвѣта свиньею захрюкалъ. Теперь,
господа, спрашивается: кто же шикалъ знаменитому
разсказчику—человѣкъ или свинья?“. Поклоу. Громъ
аплодисментовъ. Шиканье и свистъ. Таково было
остроуміе разсказчика, когда онъ бывалъ „въ уда-
рѣ“. Хоръ пѣвицъ исполнялъ репертуаръ Славян-
скаго, отчасти репертуаръ хохловъ, но, конечно, не
въ пѣньѣ была сила. Пьяной компаніи больше пра-
вила прелесть привлекательность размазанныхъ пѣвчихъ,
чѣмъ ихъ голоса. За эрмиажною залою помѣщался
бойко торговавшій буфетъ, а за буфетомъ тянулся
корридоръ съ отдѣльными кабинетами, отдѣлявшійся
площадкою дѣтства отъ номеровъ для прѣзжаю-
щихъ. Воалѣ подъѣзда висѣло два электрическихъ
шара. Это была своего рода реклама въ городѣ,
котораго улицы, за исключеніемъ двухъ главныхъ,
тонули во мракѣ. Въ мѣстной думѣ нашлись, одна-
ко, голоса, запротестовавшіе противъ существованія
„Эрмижажа“ въ центрѣ города, но нашлись и оппонен-
ты этимъ протестующимъ, доброжелатели Козырева,

посѣщавшіе Эрмитажъ и находившіе его существованіе въ центрѣ города совершенно законнымъ.

— Ежели мы единственное наше наслажденіе въ чорту на чужизну спровадимъ, такъ совсѣмъ помирять отъ скуки придется, говорили доброжелатели Козырева:— и нынче тамъ такого позорнаго не произойдетъ! — утверждали они! — расказываютъ, пѣсни русскія, музыка... Все въ порядкѣ.

Доброжелатели, пожалуй, не смотря на оное краснорѣчіе не одержали-бы побѣды, если-бы одно вліятельное въ городѣ лицо не посоветовало думъ плынуть въ это дѣло и оставить „Эрмитажъ“ въ покоѣ. Козыреву шепнули только, чтобы онъ нѣсколько посократилъ своихъ наивничекъ.

И, вотъ, наши артисты очутились передъ этими „Эрмитажемъ“, собравшемъ, во всякое время дня и ночи свою публику. Едва завизжала Алексѣевская шарманка, какъ на балконъ изъ залы высыпала публика. Таня бросилась въ глаза среди этой публики гусарская синяя куртка, красивые репушки, молодое лицо съ густыми и оттопыренными усами. Она вспомнила, что когда ей покойная мать служила въ опереткѣ въ одномъ изъ большихъ университетскихъ городкахъ, за кулисы къ нимъ ходили точно такіе же офицеры и носили конфеты Елены Прекрасной, Амуру, „Общественному Митѣю“. Таня видѣла потомъ, какъ всѣ эти Елены Прекрасныя, Амуры, Общественныя Митѣи, уносились ими на борыхъ тройкахъ куда-то на ужинъ. Бывали они и въ уборной ея матери и ласкали Таню. Они казались ей такими добрыми, ласковыми. Таня сейчас же остановила свои глаза на этомъ молодцоватомъ гусарѣ, да замѣтила, что и онъ впился въ нее своимъ развѣсно-веселымъ взглядомъ и крутилъ усы. Это обстоятельство особенно придало ей бодрости и силы, и она съ „большою искрою“, какъ объяснялъ послѣ Алексѣевъ, „дала нѣсколько превосходныхъ разъ“.

На балконѣ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, аплодировали и закрывали бисъ. Таня кокетливо склывала голову и дѣлала балетные книженны. „Бисъ“ продолжался. Таня бросила взглядъ на гусара и особенно привѣтливо ему улыбнулась. Да и нельзя было не выразить ему особенной благодарности. Онъ аплодировалъ ей бурно, бѣшено; даже лицо его поблѣвелось отъ сильнаго напряженія. Алексѣевъ тоже кланялся и шепнулъ Танѣ: „повторить слѣдуетъ, Танюша; публика требуетъ“. Началось повтореніе. На него смотрѣлъ самъ хозяинъ, Спиридовъ Козыревъ, котораго Алексѣевъ зналъ въ лицо и разговаривалъ съ однимъ изъ своихъ думскихъ благопріятелей, котораго также звалъ въ лицо Алексѣевъ. Козыревъ былъ крупный мужчина средняго лѣтъ, румяный, дорожный, съ чисто великорусскими чертами широкаго, мускулистаго лица. Одѣтъ онъ былъ въ вѣтреный сюртукъ поверхъ русской съ расшитымъ воротникомъ рубахи. На своемъ лицѣ онъ носилъ небольшую бородку кивкомъ, русые волосы сѣдка вились и колечками падали на широкій, плоскій лобъ.

— Чего ты этику-то у себя не заведешь? спрашивать его думскій благопріятель, указывая глазами на Таню. Козыревъ внимательно разсматривалъ Таню: „Манерность ей“ ему нравилась, паружность тоже, танецъ былъ „настоящій“, какой олагается артисткамъ и всѣ данныя гонорили на успѣхъ, но смущало одно обстоятельство: „молода очень“. „Вотъ ежели ей обвѣснѣе въ костюмѣ пристоить, размышляла она, все больше и больше всматривалась въ ея подвизывающую, скользящую фигуру,—это такъ.—Охъ, ногами какъ дѣйствуетъ“, одобрялъ онъ и ловилъ въ что въ этомъ дѣйствіи ногъ, что сразу рушило

его опасенія. „А пожалуй что и пойдетъ на нее публика; обстанутъ только нѣмцы, манеромъ. При вечернихъ огняхъ, да въ газѣ съ мишурой, да ежелми еще косы ей расчесать... ибѣтъ, дѣвчонка хоть куда!“

Таня кончила повтореніе подъ бурю новыхъ оваций. Гусаръ швырнулъ артистамъ свернутую рублевую бумажку и крикнулъ: „Бѣтъ, высь зонуть?“

Таня отвѣтила ему поклономъ и улыбкой, по о своему имени умочала.

Алексѣевъ отвѣсилъ почтительный поклонъ Козыреву особо отъ публики.

— Ну, Танюша, начало хорошо. Слава Богу!

Алексѣевъ снялъ шляпу, взглянулъ на черковъ и перекрестился.

— Еще будемъ давать или домой?..

— Нѣтъ, пока довольно. Надо же показѣть тебѣ. Устала? Ножики болятъ?..

— Ступай! Я люблю публику. Мнѣ хорошо...

Она взглянула въ умиленное лицо Алексѣева съ прослезившимися отъ радости глазами и улыбнулась.

— Ну, дохаживай еще, коли хочешь...

— Можетъ быть нашимъ ногамъ не хорошо?

— Что я! махнулъ рукой Алексѣевъ:—твоя жизнь настаетъ, а я что... Мнѣ только твое счастье нѣжно.

Они прошли еще нѣсколько бойкихъ мѣстъ и возвратились домой усталыми и помученными.

Таня, не раздѣваясь, бросилась въ постель и сейчасъ же заснула, а Алексѣевъ со слезами радости въ глазахъ сидѣлъ воцѣпъ нею и повѣствовалъ Савельевымъ объ успѣхѣ.

Въ теченіе этого разсказа Савельевъ, пользуясь счастливымъ настроеніемъ артиста, подмигнулъ ему однимъ глазомъ и щелкнулъ языкомъ. Алексѣевъ понялъ предложеніе пріятеля и не смотря на свою усталость, внявъ за шлупу. Они осторожно вымыли въ комнаты, чтобы не разбудить Танюшу и очутились на улицѣ.

— Туда? махнулъ глазами Савельевъ по направлению къ кабаку.

— Туда, отвѣтилъ Алексѣевъ, передвигая свои тяжелыя, болыныя ноги.

На другой день они прислулись въ полицейскомъ клоповникѣ.

М. А. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Гауптману былъ присужденъ призъ въ 3000 марокъ, такъ называемый „Schillerpreis“, за „Потопившій колоколъ“. По словамъ газеты „Literarisches Echo“, императора Вильгельма не утвердилъ рѣшенія комиссіи.

Недавно скончался въ Мерсѣ знаменитый нѣмцкой музыкальный критикъ Отто Гирмекхъ. Покойный уже болѣе 10 лѣтъ не занимался литературой вслѣдствіе постигшей его слѣпоты. Но въ свое время онъ долго занималъ въ Берлинѣ пріятельство такое мѣсто, какъ Гансикъ въ Вѣнѣ, принадлежа къ консервативному и анти-вагнеровскому направлению. Начало его музыкально-публицистической дѣятельности относится къ 1849 г. (ровъ въ 1833 г.). Многіе его фелетоны послужили матеріаломъ для отдѣльных книгъ, получили большое распространѣніе въ Германіи: сюда относятся, напр., его „Musikalische Charakterbilder“, „Unsere klassischen Meister“, „Neuere Meister“ и проч.

Изъ Парижа сообщаютъ о злой мести, жертвой которой слѣдлалась артистка Режанъ. Вскрывъ послѣ прѣзда изъ Монте-Карло сумдукъ, она увидѣла, что всѣ великолѣпнѣйшіе костюмы, стоимость болѣе 20,000 франковъ, были совершенно изрѣзаны. М-не Режанъ предпологаетъ и, конечно, не безъ основанія, что злобный поступокъ, могъ быть совершенъ только женщиной. Парижскія полиція занята розысками виновныхъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛЬТОДИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ.)

ТИФИСЬ. Грядущимъ нынѣшняго сезона безспорно является опера «Садко». Ее готовили чуть не съ сентября, и о ней горючили задолго до перваго представлѣнія. Увы! оживленіи публики являлось «чорта въ стѣну» не оправдалась. Затрѣчено на постановку «Садко» много денегъ и труда, но все это какъ-то безъ толку, ври. Все эти превращенія лебедя и утокъ въ царевнъ, плывущіе и тонущіе корабли, корабли, «Соколы» съ половой шесткой выѣзду мачты и трапкой выѣзду паруса, деревянные волны и прочіе «гигіе» возбуждали у публики олимпъ смѣхъ и еще разъ доказали безсиліе дирекціи нашего театра обставить мало-маленьскіе списки оперу, выходящую изъ обычныхъ шаблонныхъ рамокъ италянскихъ и требующую нѣкотораго вкуса и художественнаго чутья. Ненормо вспоминаться «мачты и волшебники» по часги обстановочныхъ пьесъ. В. Л. Форкати, который на маленькой частной сценѣ лаворского театра, при скудныхъ сравнительно средствахъ, умѣлъ съ такими блескомъ обставить различныя фееріи. Центр тяжести монтровки «Садко», главныя «гигіе» этой оперы — сцена въ подводномъ царствѣ и на постановку этой сцены обращено было больше всего вниманія. потрачено больше всего денегъ и въ действительности, этого акт поставленъ интересно и, пожалуй, даже красиво, но стоитъ заглянуть въ партитуру «Садко», чтобы увидѣть насколько постановка этой сцены далека отъ замысла композитора. Нѣтъ лазурнаго терза царя морского; нѣтъ престоловъ, царя и царицы — тѣсныя раковины, въ которыхъ морскіе владыки какъ утѣшались. Тамъ рыба, речушечки и рѣчки. замѣнены какими-то неизвѣстными балетомъ и танцами, серпантинъ. Серпантинъ танецъ красивый, молодой, но — скажите Богъ ради — зачѣмъ онъ попалъ на это морское? Вообще по всей постановкѣ сказывается отсутствіе стилей. непониманіе духа и склада оперы, а между тѣмъ «Садко» принадлежить къ такимъ именно произведеніямъ, которыя требуютъ полного единства, полной гармоніи между музыкой и вѣншей обстановкой; холодный пріемъ, который оказалъ публикѣ оперу на черномъ представленіи и могу объяснить только неудовлетворительностью постановки. Въ вокальномъ отношеніи «Садко» обставленъ гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ художественномъ. Опера, поставленная три дня позарѣдъ, имѣетъ съ двойнымъ состояніемъ исполнителей: Садко — гг. Розановъ и Борисенко, Волхова — г-жи Панаева и Фертигъ, Нѣжата — г-жи Кравецъ и Мейчикъ (молодая пѣвица, недавно приглашенная въ составъ труппы), Любавъ Бусуевъ — г-жа Петрова; гости: Варяжскій — г. Трубинъ, Ильябійскій — гг. Борисенко и Зинковъ, Велеселскій — гг. Максаконъ и Герасименко и Окана-Море — г. Гуринювъ, Г. Розановъ очень старательно поетъ свою партію, но у пѣвца недостаточно выработана рѣдло и онъ, кроетъ то, самизмъ форсируетъ голосъ и подъ конецъ оперы утомляется, чего совершенно неважно у г. Борисенко. Звѣзды Г. Розановъ не сумѣлъ въ достаточной степени проинципировать духомъ роли и въ драматическомъ отношеніи уступаетъ г-ну Борисенко. Не знаю кому изъ двухъ исполнителей партіи Волхова отдать предпочтеніе. Безспорно г-жа Панаева — дарованіе крупное, и по голосу и по темпераменту и по сценической оживности стоитъ неизменно выше г-жи Фертигъ — пѣвица вообще на удивленіе холодна; партія Морской Царевны какъ-то удалась г-жѣ Фертигъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она оставляла большое впечатлѣніе, нежели г-жа Панаева. Типичныя гостики торговыми явились г-жа Борисенко, съ большимъ вкусомъ спѣвшая свою арию, Максаконъ въ Трубинъ. Партію Любавы Бусуевымъ хорошо исполнила г-жа Петрова, молодая и очень повелая артистка. Какъ быти бы было, несмотря на отъ недовольствъ и промахи (отчасти исправленные на постановочныхъ представлѣніяхъ) тифлисцы должны быть благодарны дирекціи за постановку новой русской оперы. Кстати сказать, русскимъ операмъ постановка нынѣшняго сезона повело: поставлены пьесы «Князь Игорь», «Орлеанскій», «Анжана», «Ворисъ Годуновъ» и «Садко», возобновляютъ на сценѣ «Синегоричъ». Крошкѣ «Садко» за послѣднее время поставлено были «Африканка» и «Казенъ». Постановку оперу мы не ждали услышать въ текущемъ сезонѣ, такъ какъ въ труппѣ не находилось подходящихъ исполнительницъ главной партіи. Ко всеобщему удивленію опера была поставлена и партію Карменъ пѣла г-жа Петрова.

Писки.

ХЕРСОНЪ. Съ открытія сезона сыграно 75 спектаклей: «Шаръ Океанъ» (4 раза), «Измѣна» (4 раза), «Князь Бѣлугинъ» (2 раза), «Духа стѣна», «Звѣзды», «Старый закъ», «Графъ де-Ризоръ» (2 раза), «Князь», «Золото», «Зовъ дѣло», «Отверженный», «Девятъ назъ», «Болные люди», «Набѣда», «Подорожники», «Актарофа», «Звѣзды», «Рубина», «Соборъ», «Мелесъ», «Бѣда», «Дядя Ваня», «Накпны», и т. д. Репертуаръ сѣмьшарный. Лучшіе бенфеисы были герцоги Смирновой («Татьяна Рѣпина» и «Садко 2-й бей») и герц. И. И. Судбининъ: «Я» «Коварство и Любовь» и 2-й «Забавная Голубушка» (полные сборы), а также Искандеръ (комикъ).

Успѣхомъ пользуются: Смирнова (героиня), Горская (ста-

рута), Караванова (инженеръ), Судбининъ (герой-любов.), Раковский (комикъ), Колосовъ (хазар. роли) и Флоровскій (проста). Остальная составъ труппы средній. Дѣла матеріальныя не блестящія. Жалованье платится аккуратно.

Вело.

ВІДНА. За послѣднее время на сценѣ нынѣшняго городского театра шла много новыя пьесы; болѣе интересныя, имѣвшая у публики успѣхъ, новинки, это: «Накпны», поставленная въ бенфеисъ г-жи Трубинской (proude comique). Пьеса сыграна была съ ансамблемъ; пѣдурнъ была бенфеиситка въ роли Воробинной. Г-жа Пшеская играла Ольгу, г. Норинъ (Мосеевъ), Добровольскій (Персереверъ), Бѣлгородскій (Воробинъ) и Мурскій (ка. Горбатова) — такъ было распределеніе ролей. Г. Норинъ поставилъ въ свой бенфеисъ «Огелло». Въ исполненіи Огелло шло много пѣдочетовъ; г. Норинъ (ком. реверсиръ и битов. роан) прекраснѣе въ роляхъ своего анимуса и своей игрой всегда доставляетъ зрителю много эстетическихъ наслажденій, но Огелло и вообще героическія роли не въ силахъ артиста. Г. Мурскій (Яго) и г. Бѣлгородскій (Кассіо) хорошо исполнили свои роли. Г-жа Пшеская (Дездемона) вложила въ свою игру много теплоты и женственности. Выборъ пьесъ въ бенфеисъ г-жи Лерминой былъ менѣе удаченъ, хотя театръ былъ полонъ и бенфеисъ цѣлкомъ получилъ много вѣдѣтовъ и подарковъ, но «Гришнина», не смотря на добросовѣстное отношеніе къ своимъ ролямъ артистовъ, — не произвела хорошаго впечатлѣнія въ зрителѣ. Г. Мурскій свой прізнаніе, называемая постановкой «По гривеннику за рубль», и эта весьма заурачная пьеса имѣла современнаго нумескаго биты не представляла большого интереса, хотя г. Мурскій былъ очень хорошъ въ главной роли Габрина. Г. Добровольскій для своего бенфеиса довольно неудачно выбралъ пьесу «Порывъ». Пьеса смотрѣлась безъ всякаго интереса. Къ перечню бенфеисовъ остается еще прибавить бенфеисъ г. Тункова (режиссеръ) — сыграна была «Тереза Ракенъ», гдѣ г-жа Лермина довольно хорошо справилась съ ролью Терезы; особенно же хорошо былъ переданъ г-жѣй Алексѣевой типъ матери Казанья — параличной старухи. Г-жа Алексѣева — любимца вилеской публики — въ бенфеисъ свой поставила драму «Одинокъ», въ которой съ выходящими успѣхомъ исполнила главную роль; Тереза; успѣхъ артистки раздѣляла г-жа Пшеская (Ивита) и гг. Нероновъ — докторъ и Бѣлгородскій. Бенфеисовъ поднесены были въ публикѣ серебряный жаровый явочекъ. Изъ новинки отнѣтъ психологическій «Жукъ», «Простя» — прекрасно разыгранный г. Незаболоннымъ (Жоржъ), г-жамъ Лерминой (Тереза) и Пшеской (Сюзанна). — а также фарсъ «Ломъ № 6 (массонъ), живая и веселая пьеса, имѣвшая у публики большой успѣхъ. Съ большими успѣхомъ прошла также «Казнь». Успѣхъ имѣла г-жа Пшеская въ «Трибунѣ», который раздѣляла г. Нероновъ — Сенатъ. Въ «Казни» на роли Викентіи Львовича выступилъ г. Гедике, показавшій намъ въ «Илліотъ» и «Артъ Олдеръ Олзониотъ» свое умѣнье изображать подобныя болельныя типы; 2 разъ пѣлъ «Потопушій Колоколъ» съ прежнимъ составомъ исполнителей, за искрѣпленіемъ новаго Генриха (г. Бѣлгородскій). Возобновились были «Кинъ или гелій и безульту», но роль Кинъ не удалась г. Добровольскому. Спектакли вѣдусту и дутъ при полномъ сборѣ. Многіе артисты изъ труппы К. Н. Незаболонны получили уже ангажементы на будущій сезонъ въ Харьковъ, Казань, Нижній-Новгородъ и др. города. Изъ кого будетъ состоять труппа вилескаго театра въ будущемъ сезонѣ — вопросъ пока открытый и не вѣдѣстно даже, кому будетъ слѣдъ театру. Можно только сожалѣть, если не г. Незаболонны стаетъ во главѣ городского театра; умѣло веденіе дѣла, добросовѣстное служеніе искусству, покровительство молодымъ артистамъ дадутъ ему право на глубокую признательность отъ людей, сердцу которыхъ дороги и близки интересы родного искусства. Съ особымъ удовольствіемъ сообщаемъ о 35 лѣтъ юбилейномъ вечерѣ талантливаго артиста Императорскихъ театровъ М. В. Стрѣльскаго. 35 лѣтъ честно служилъ отечественному искусству, въ прошломъ году посѣлъ «Смерти Іованна Грошгана» — забѣлѣлъ и теперь, когда пьеса навсѣгда сцену — прошелъ съ публикой. По болѣзнь артиста чествовали его жену г-жу Алексѣеву.

Правленіемъ стариннаго Желѣзно-дорожнаго кружка, въ изпользованіе артистовъ было любезно предоставлено помѣщеніе кружка — совершенно бесплатно на этотъ вечеръ. Произнесенію было много рѣчей, получены пригласительныя телеграммы, поднесены 2 жаровыхъ явочка; съ товарищи артиста приняли участіе въ спектаклѣ. Въ матеріальномъ отношеніи вечеръ удался блестяще. Шли: «Женя» (гг. Незаболонна, Ашанина, Нероновъ, Бѣлгородскій), «Волшебные звуки» (г-жа Пшеская).

*) Не сомнѣваясь въ словахъ нашего корреспондента, что г-жа Трубинская была «ведущей» Воробинной отнѣтъ въ сумятицу, которую вносятъ непривычные распределенія ролей на Импер. сценѣ въ театральную провинцію. Роль Воробинной типичная grande coquette, но стоило отдать эту роль г-жѣ Пшеской, какъ по всей провинціи алгарманъ иогенъ comique, свѣдѣлостью раздѣляющій пьесу г. Боборыкина.

Прим. ред.

иг. Мурский), «Я васъ люблю» (г-жа Лермина и Добровольскій), 7 марта и въ «Юриса Годуова» (г-жа Алексеева, Мороз), и въ заключеніе шла мозаика изъ «Бѣлиха». Спектacula очень живо.

Песня.

САРАТОВЪ. Наша театральная публика въ настоящій моментъ уходитъ въ чужой моръ бенефици. Бенефици первыхъ персонажей въ городскихъ театрѣ, такіе же въ народномъ. Въ народномъ театрѣ теперь получаютъ бенефици не только заправские актеры, но и балетные танцовщицы, а мало того, еще дамы и просто любители, хотя и окрещенные на афишахъ актерами. Отмѣчая по порядку эти рѣзкіе и интересные бенефици: въ декабрѣ прошлаго года—бенефици г. Я. Д. Брониславскаго—шлѣ Мозерсовскій «Донъ-Жуанъ» съ бенефициантами въ роли Салареля; 14 января—«Потоуашій колоколъ»—въ бенефици г. И. П. Лебедева-Петрова (Водлиной) и 23 — въ бенефици тансора г. Котля былъ поставленъ «Русская свадьба», Сухонина. Какъ чувствовали себя на новыя мѣстала бенефицианты—объ этомъ изъ принципа слѣдуетъ умолчать.

Въ бенефици премьеры труппы народного театра К. А. Гарина шла архивная драма Кузкова «Актеръ Яковлевъ». Г. Гаринъ—актеръ старой закалки; у него есть неотъемлемые недостатки игры. Онъ часто впадаетъ въ сильно приподнятый тонъ, близко граничащій съ павосомъ, смѣшномъ театально жестукируется, не можетъ смягчить рѣзкость и грубость тѣбра своего голоса.

Г. Гарина, какъ актеръ трудящійся, за доліе успѣлъ завоевать симпатіи народной публики. Его очень горячо принимали, и театрѣ былъ почти полонъ. Были колоссенія и даже адрель, въ концѣ котораго высклазилъ надежда, что народный театрѣ еще увидитъ г. Гарина. Г. Гаринъ сказалъ въ отвѣтъ спасибо всему привольскому народу.

Съ 28 января въ спектакляхъ народного театра примѣтъ участіе талантливая артистка Е. П. Шебуева. Получитъ «Василиса Мелентевна», «Злая яма», «Генералша», «Власть тѣмъ» и др. пьесы всего шестѣ спектакляхъ.

Въ мѣсталахъ газетъ сообщается, что М. М. Бородинъ прислалъ въ Городскую Управу проектъ переустройства и расширенія городского театра. Назъ городской театрѣ малъ и тѣснъ сравнительно съ потребностями населенія города и перестройка городского театра является вопросомъ актуальнымъ современнымъ.

Ито.

ВОЛОГАДА. Въ этомъ году продолжается лѣтняя В. Н. Викторова. Въ прошломъ году она держала театрѣ вмѣстѣ г-жи Разсужной, а въ этомъ сезонѣ вмѣстѣ г. Вѣдскаго. Выходятъ, что кинъ нѣе городское управленіе ни мудра, а театрѣ остается въ г. Викторова. Въ прошломъ году городъ имѣлъ 17 предложеній о сдѣлкѣ театра. Предпочтеніе дано было полюбому Нильскому, вторымъ былъ Вѣдскій. Нильскій уверъ, тогда сдѣлалъ предложеніе Вѣдскому, тотъ согласился, но вмѣстѣ него театрѣ держитъ г. Викторова. В. Н. Викторова лѣтнепрерывно довольно старательный и внимательный. Не хорошо только то, что г. Викторова принадлежатъ къ числу антрепренеровъ, выжидающихъ на гастроляхъ. Въ такомъ введеніи дѣла больша ошибка, и доказательство на ливо. Въ прошломъ году зимой въ городѣ былъ циркъ; циркъ вѣзалъ около 7000 и театрѣ около 12000, въ этомъ году нѣтъ цирка и ливъ Бѣги, чтобы театрѣ далъ около 1000. Чѣмъ это объяснить? Только тѣмъ, что труппа безцѣпная. Развѣ можно играть безъ героини, безъ дѣта, безъ протаска? Въ началѣ сезона на роляхъ героини была г-жа Кускова, которая послѣ нѣсколькихъ спектаклей уѣхала и труппа осталась совсѣмъ безъ женскаго персонала. Въ началѣ декабря нѣмалыя гастроли г-жи Рыбчинской: «Бѣшеная дѣвѣ», «Въ новой семьѣ», «Волки и Овцы», «Закатъ», «Изнѣтъ», «Дикарка».

Гастролирова въѣхалъ уѣхалъ, но сбора не дѣлалъ,—публика къ театру охладѣла. Послѣ Рыбчинской прѣѣхалъ г-жа Волгина,—дѣла остались прежніе.

Постоянный составъ труппы такой: г-жи Лырежская-Черкасова, Дебрыксъ, Лирскіа, Неаболина, Корешина, Струйская, Уманецъ и гг. Славскій, Аркуниевъ, Катанскій, Чардынинъ, Карпинъ, Лирскій, Барышевъ, Зоринъ.

О женскомъ персоналѣ труппы умолчу. Въ мужскомъ персоналѣ не лишнее дарованіи г. Славскій, но не всегда твердыя въ роли, отчего затѣиваетъ рѣчь, и получаетъ впечатлѣніе монотонности и скуки. Стоять труппы г. Аркуниевъ, герой-любовникъ. Актеръ старательный, серьезный, но безъ способности возмодѣствовать въ роли. Въ смотрѣ артиста, видите что роль читается прекрасно; на сценѣ все дѣлается во время, со смысломъ, но спектакль прошелъ и впечатлѣнія не осталось. Еще изъ мужского персонала слѣдуетъ отмѣтитъ гг. Чардынина, Катанскаго и Карпинъ; всѣ они актеры добросовѣстно относящіеся къ своему дѣлу.

Между прочимъ не могу не охотѣться весьма пріятнымъ впечатлѣніемъ. Г. Чардынинъ, который въ труппѣ занимается, должно быть, амилуа вторыхъ любовниковъ, въ свой бенефици поставилъ «Гамлета», въ пер. Гиббана. Тѣ пьесы, которые были въ театрѣ, получили неизмѣнное удовольствіе. Честъ и слава г. Чардынину, что онъ поработалъ добросовѣстно и

старательно надъ Гамлетомъ. Публика оцѣнила это и наградила серьезнаго актера не только многочисленными визитами и дружными аплодисментами, но и четырьмя подношеніями. А г. Чардынинъ сыгралъ Гамлета нисколько не хуже заправскаго премьерова провинціальнаго театрова.

Въ Вологдѣ дѣло уже дается спектакли для народа въ помѣщеніи народной читальни. Помѣщеніе это просто невозможное и давно уже рѣшено было собирать деньги на постройку народной аудиторіи. Подписка съ пожертвованіями дала только боюо р. съ небольшимъ, а нужно еще по крайней мѣрѣ—3000 р. Въ этомъ году губербское земство пришло на помощь въ этомъ дѣлѣ и рѣшило дать 10000 р. зиню-образно, безъ процентовъ, съ уплатой по 500 р. въ годъ. Надо думать, что городъ дастъ бесплатно мѣсто и тогда въ перодолжительномъ времени у насъ будетъ народная аудиторіа, въ которой можно будетъ устраивать и чтенія для народа, и народные спектакли.

Мое сообщеніе насъ Вологда было бы не полно, если-бы я не упомянулъ о помѣжъ театрѣ, который произвелъ отъ нехватки причины 5-го ноября. Сгорѣла была залаяя пристройка для декораций и отчасти повреждена была сцена и многія декорации. Пришлось спектакля прекратить на чѣмъ-дѣтъ недѣлю, до 21 ноября. Артисты были въ довольно печальномъ положеніи, но не снѣтали его критическимъ и цотому не пожелали воспользоваться взаимостощеніемъ, которое предложено было отъ Русскаго Театральнаго Общества. Воложжине отнеслись къ бѣдствію артистовъ сочувственно: въ помѣщеніи Артистическаго кружка устроены были концерты, который далъ сбору около 300 р.

БАЛУ. «Вакнинское артистическое Общество», существовавшее всего лишь второй годъ, сѣзавательно, молодое и неокрѣпшее, открыло свой зимній сезонъ, 16 октября.

Общество состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ, между прочимъ, и драматической. Съ открытій сезона по 1-е января 1900 года прошли слѣдующія пьесы: лая открытій, 16 октября, была поставлена «На заповномъ основаніи». Пьеса имѣла подлѣ распроданіемъ А. П. Лебединскаго довольно неровно. 21-го октября лая комедія «На крапиву морозъ», повторенная 24-го ноября, для уащихся. 27-го октября «Галанти и поклонники», 30-го октября, для уащихся, «Лѣсъ», 3-го ноября—«Наши заводчики», 7-го ноября, для уащихся, «Кембѣта».

Затѣмъ, за отказомъ г. Лебединскаго отъ обязанности отвѣтственнаго распорядителя, по еланогласному желанію исполнительцевъ драматической группы, совѣтъ старшинъ Общества передалъ обязанность распорядителя г. Куколевскому.

При новомъ распорядителѣ прошли, съ успѣхомъ, 10-го ноября, «Деневные тузы», 17-го ноября, при участіи бывшей артистки грубинской труппы г-жи Меска-Генеръ, — «Цѣна», 24-го ноября «Доходное мѣсто», 1-го декабря «Соколы и Иоромы», 6-го декабря, повторю для уащихся «Доходное мѣсто», 15-го декабря «Клубъ холостяковъ», 26-го декабря, для уащихся, «Ревизоръ», 28-го декабря, совмѣстно съ труппой г-жи Дамарной, «Цыганскіе пѣсни въ мѣлѣхъ» и «Синиритыкъ», наконецъ, 31-го декабря «Въ бѣгала».

За это же время въ О-вѣ было три концерта: 4 ноября пѣвщи Левинской (мѣшко-соприво) и пѣвца Кайнери-Корнилова (тенора), 18-го ноября—концерты пѣвщи Гаминицкаго и 25-го ноября—скрипка Григорива.

Возвѣщая и музыкальная группа О-ва совмѣстными силами устроила ливъ вечеръ: 13-го ноября—симфоническое собраніе и 8-го декабря—литературно-вокально-музыкальный вечеръ.

За это время въ драматической группѣ принимала участіе: выписанная изъ Москвы на жалованье, артистка г-жа Маринская, на роли старухъ, съ окладомъ сто рублей въ мѣсяцъ и одинѣ бенефициомъ.

Режиссеромъ былъ приглашенъ старый провинціальныи актеръ г. Житовъ, сѣдуловъ тоже бывшій актеръ и сѣдулеръ г. Мосоловъ. За Житовымъ, для ролей грандъ-конска, приглашенъ былъ на равномъ его жѣя, Житова 1-я, а за ней, на разномъ же, нѣхъ дѣчь, Житова 2-я, амилуа—ingene comique.

Кромѣ нихъ, также получая вечеровая, на бытовая роль приглашалась, отъ времени до времени, жена сѣдулера, г-жа Мосолова. Но, такъ какъ работа съ молодыми силами, чѣмъ-исполнителями и исполнителницами, у режиссера не спорится, то вмѣстѣ г. Житова былъ нислѣшенъ режиссеромъ г. Бѣдинъ, по сценѣ Сивиринскій. Сѣдулеръ также была замѣнена г. Черепановымъ. Изъ исполнительцевъ выдѣлалась г-жа Меска и г-жа Труффи. Изъ мужского персонала: на роли «фатовъ» г. Шау, резонеромъ—г. Куколевскій, комикомъ—г. Персони, протаскомъ—г. Богдановъ, любовникомъ—г. Арбушевъ, остальные исполнители старательны, хотя мало опыты и многіе изъ нихъ только что стали знакомыми со сценой, да пробовать свои силы. «Въ бѣгала»—дебютировала начинающая провинціальная артистка, г-жа Даль,—но безъ успѣха.

Что касается труппы г. Насидева-Витскаго, стараго бакнинскаго антрепренера, весьма дѣльного и честнаго, то до Рождества Христова, труппа его играла въ холодномъ, грязномъ

пиркъ-театръ, и это отъивалось на сборахъ. Сборы быва-
ли лишь по воскресеньямъ, дѣлать, когда ставились раздѣ-
тельная драма для личной публики. Нынѣ труппа эта пе-
решла въ театръ г. Тагѣева, вѣдомо перестроенный, прекрасно
отдѣланный, тѣмный, уютный, хотя мало помѣстительный.
Изъ труппы Вятскаго успѣхъ получаютъ г-жи Либарская
и Плеск, г. Яновъ, Демуръ и комикъ Мерисонъ. Изъ
новичковъ для Баку шлѣ: «Нюбеля», «Зазз», «Золотая Евва»,
«Казня» и проч.

Къ труппѣ въ Баку переночевала изъ Тифлиса опереточ-
ная группа г-жи Дасидуровой, по глѣзѣ съ Троицкой, Кест-
леръ и Вуаръ, комикантъ Дмитріевскій и Бѣза, пѣль-
ныя: Писаревскій, Владиміровичъ, Горскиятъ и Корепинскій.
Труппа нынѣшняя широкоспичный хоръ и толщій оркестръ
подъ удивленіемъ г. Ангеля. Труппа беретъ тамъ, гдѣ
ожидае свободное мѣсто и свободные дни, т. е. то въ театрѣ
Тагѣева, то въ Артистическомъ обществѣ, то, наконецъ, въ
Общественномъ собраніи. Дѣла труппы при такихъ условіяхъ
не важны. Кромѣ русскихъ труппъ, весь сезонъ, сначала въ
циркѣ, а теперь въ театрѣ Тагѣева, два раза въ недѣлю играютъ
постоянная армянская.

Среди артистовъ и артистокъ—есть прекрасные исполни-
тели, но поощають армянские спектакли армянскій обще-
ствомъ безъ увлеченія, почему и при хорошемъ исполненіи
зала бывае не полною.

ОСТАШОВЪ. Въ концѣ декабря къ намъ пріѣхало товари-
щество русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ
А. А. Витвицкаго. Въ матеріальномъ отношеніи малороссы
остались довольны Осташиными. По отъѣздѣ малороссовъ
любители до 1 января 1900 г. поставили «Счастливый день»,
«На порогахъ дѣла» и «Невольникъ», «Блуждающіе огни» и
«Я болѣла». Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю О. Ф.
Обуковскаго, молодой комикъ любительницы съ несомнѣннымъ
дарованіемъ, Ю. Г. Красильникова—Дальбергъ, grande-co-
quette, И. П. Некинина и др. Завѣсѣ театра, принадлежавшее
Обществу любителей сценическаго искусства, нынѣ прекра-
тивши свое существованіе, переходятъ по закону въ со-
бственность города. Въ добрый часъ!

Говоримъ это потому, что третій день отсутствія насто-
ящаго хозяина театра вредно отразилось какъ на положеніи
театральной дѣлы въ Осташиновѣ вообще, такъ и на самомъ
зданіи театра въ частности. Слѣдствіе.

УМАНЬ. Послѣ оперы, которая въ исключеніемъ изъяснѣн-
наго баритона г. Виноградова не представляла ничего выдаю-
щагося въ Умань пріѣхала оперетка съ г. Левинскимъ во главѣ.
Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ—г-жи О. А.
Прозорова-Гавриловская, А. И. Лакина, Л. Л. Олейниа, П.
Рошина, Ожеговъ; мужской персоналъ—г. Г. И. Кремлевскій,
Л. В. Стрѣльскій, А. С. Аалерсъ-Донской, К. І. Кургановъ,
Л. Л. Скраме, Жесте, И. В. Петровскій, А. М. Александровъ.
Режиссеръ Ф. И. Кремлевскій, помощникъ Н. В. Констати-
новъ, суфлеръ П. А. Нестеровъ. Декораторъ К. Коржиковъ.

До сихъ поръ прошли слѣдующіе пьесы: «Пѣсь горы»
(открытія сезона), «Счастливый день», «Федоръ Васильевъ»,
«Петербургскіе коты», «Потерянная честь», «Въ царствѣ ку-
лакъ», «Пикантъ дамъ», «Рабочая свобода», «Демонъ»,
«Казня», «На жинешовѣ пиру».

Сборы въ общемъ для этого города удовлетворительны.

Готовятся къ постановкѣ: «Девятый валъ», «Глухая стѣна»,
«Ломъ № 6».

РЫБНИНСКЪ. Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ
управленіемъ г. Максименко, начало сезонъ очень неудачно
«Нѣмыми духомъ». Не смотря на это, труппа не можетъ
пожаловаться на равнодушіе публики. Дѣлается спектакль по
пятнадцати лѣтъ весьма пріятныя сборы. Роли драматиче-
скихъ герсией исполняются г-жей Сумбатовой, съ очень
сценичною вышкостью; нѣкоторыя роли проводятся ею не
безъ теплоты и правдивости, жаль что она не обладаетъ
голосовыми средствами. Г-жа Работнова—ингусъ—актриса
неудурная, хорошая работница, всегда отличается знаніемъ
роли, но ей не достаетъ чувства, а дѣльные театральныя
жесты, которыми она злоупотребляетъ, расхолаживаютъ пу-
блику. Драматической громадѣжъ и комической старухи,
какъ имъ кажется, въ труппѣ нѣтъ. Роль эти испол-
няются г-жей Грибу, а иногда г-жамъ Понитоской и Довѣ-
ридой. Г-жа Понитоская неудурная исполнительница всесиль-
ролей. У г-жи Довѣриной мы подымаемъ драматическую
жизнь, но въ отвѣтственности роляхъ ее не выдѣли. Объ
остальныхъ умолчимъ. Г. Максименко мы уже вижѣли не
первый разъ, это хороший исполнитель ролей Островскаго.
Жаль, что у него слабый силный голосъ. Г. Пономаревъ—
любимчикъ пріятный, но холодный. Незнаесто къ какому
жизлу причислитъ артиста Курбскаго, ипроче, чрезъ мѣсяцъ
выбывшаго изъ товарищества. На мѣсто его, товариществомъ
приглашенъ г. Дубровскій, который выступитъ въ «Лѣсъ»
и «Нечай-Ногова». Отчетливая читка, вѣтучий и чистый
голосъ, благодарная вѣнность, много способствуютъ ирѣ
артиста. Комикъ Г. Моревъ не лишень природного комизма,
но однообразенъ и среняеи къ булѣ суфлера Г. Чарскій,
идо полѣзатъ, артистъ безъ опреѣжѣннаго импала. Артисты
на вторыя и третія роли отбываютъ свою повинность добро-
совѣстно.

КИШИНЕВЪ. Въ Благородномъ собраніи сначала сезона шли
спектакли труппы Ярошенки, а затѣмъ Саловскаго и Сакса-
ганскаго. Драматическое общество любителей постоянно пе-
реходитъ Рождествомъ только «Жизнь». Въ помѣщеніи бывшаго
шахматнаго клуба устраивались литературныя вечера, посвя-
щенные памяти Мольера, Шиллера, Гоголя, А. Л. Толстого.
Выступилъ литературой характеристикъ, каждый разъ читали
шкору не нужная біографія (изъ Шиллеровскихъ вечеръ чте-
ніе таковой ваяло 4/4 часа), отрывки изъ разныхъ произве-
деній. 22-го января были Гриббовскій вечеръ. Прочитано

было одно изъ нѣдѣй въ истинной музы, въ комъ говорилось
е мѣсяцѣ Бѣзѣ, «великовѣстскіе» Сивиллахъ и въ за-
ключеніе о томъ, что и теперь еще «дѣмъ» отчества прѣ-
тенъ не для всѣхъ» (?). Роль Чапкова читалъ г. Степановъ:
отсутствіе простоты и непринужденности въ сценѣхъ пер-
ваго акта, завооъ по всему чтенію, ни жалкихъ отнѣн-
нравильное употребленіе логическихъ удареній и незна-
комство съ испорченными (редакція Шляпкина) текстомъ
комедіи. Г. Писекій (Фамусова) старая стиха превратитъ
въ прозу, ушорѣбаетъ ненужныя цезуры, дѣлалъ невѣрныя
ударенія въ стихахъ (напр. «и танцѣмъ, и пѣемъ»,
гулялъ вдурогорьѣ, «не по лѣтамъ и нынѣ авалѣмъ»). Кромѣ
обязательности записки съ правильными текстами, люби-
телямъ не мѣшало бы комедію Грибѣдова авать нѣаусть.
Лучше дружитъ читаетъ г-жа Германъ, которой удѣлось
маленькій сценки и стихотвореній, но только не изъ класси-
ческихъ авторовъ. Въ январѣ любителями были поставлены:
«Депежные туанъ», «Я играю большую роль», «Грозъ», «До-
ходное мѣсто». Роль Катерины г-жи Германъ не удалась (на
мѣстѣ въ этой роли былъ г-жа Харжевскій), г. Шмитовъ
(Кабановъ) авдалъ нѣаустро въ штржѣ, ансамбль не было.
Въ роляхъ ингусъ comique (и дѣтпейке) мѣла и сценичнѣна
г-жа Станиславичъ, пломпаппаша своею игрою провинциаль-
ную артистку Ашенскую. «Доходное мѣсто» ирошо яло.
Вспоминается, какъ годъ тому назадъ играли въ общедоступ-
номъ театрѣ ту же комедію неопытные молодые любители, у
которыхъ сошло все гораздо живѣе, и чѣтнѣе впечатлѣніе
получилось, хотя и были нелюпы—можетъ быть, и ауди-
торіи молодая влохнѣла любителей своимъ сочувственнымъ
отношеніемъ къ содержанію комедіи. Кинъ на литературныхъ
вечерахъ, такъ и въ спектаклѣхъ выступаютъ все одно и то
же жаро исполнители; образовался какъ бы всеевній
винтъ. Не мѣшало бы привлечь и другихъ любителей, а
то на такія роли, какъ роль Жалова и Чапкова, среди «вѣн-
тиныхъ» не нѣтѣсь подходящихъ исполнителей. Л.

ВЕРНИНЪ ЛУНЬ. Завѣсѣ играютъ уже 4 сезона драматическая
труппа подъ управленіемъ антрепренера Ф. И. Кремлевскаго.
Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ—г-жи О. А.
Прозорова-Гавриловская, А. И. Лакина, Л. Л. Олейниа, П.
Рошина, Ожеговъ; мужской персоналъ—г. Г. И. Кремлевскій,
Л. В. Стрѣльскій, А. С. Аалерсъ-Донской, К. І. Кургановъ,
Л. Л. Скраме, Жесте, И. В. Петровскій, А. М. Александровъ.
Режиссеръ Ф. И. Кремлевскій, помощникъ Н. В. Констати-
новъ, суфлеръ П. А. Нестеровъ. Декораторъ К. Коржиковъ.

До сихъ поръ прошли слѣдующіе пьесы: «Пѣсь горы»
(открытія сезона), «Счастливый день», «Федоръ Васильевъ»,
«Петербургскіе коты», «Потерянная честь», «Въ царствѣ ку-
лакъ», «Пикантъ дамъ», «Рабочая свобода», «Демонъ»,
«Казня», «На жинешовѣ пиру».

Сборы въ общемъ для этого города удовлетворительны.
Готовятся къ постановкѣ: «Девятый валъ», «Глухая стѣна»,
«Ломъ № 6».

РЫБНИНСКЪ. Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ
управленіемъ г. Максименко, начало сезонъ очень неудачно
«Нѣмыми духомъ». Не смотря на это, труппа не можетъ
пожаловаться на равнодушіе публики. Дѣлается спектакль по
пятнадцати лѣтъ весьма пріятныя сборы. Роли драматиче-
скихъ герсией исполняются г-жей Сумбатовой, съ очень
сценичною вышкостью; нѣкоторыя роли проводятся ею не
безъ теплоты и правдивости, жаль что она не обладаетъ
голосовыми средствами. Г-жа Работнова—ингусъ—актриса
неудурная, хорошая работница, всегда отличается знаніемъ
роли, но ей не достаетъ чувства, а дѣльные театральныя
жесты, которыми она злоупотребляетъ, расхолаживаютъ пу-
блику. Драматической громадѣжъ и комической старухи,
какъ имъ кажется, въ труппѣ нѣтъ. Роль эти испол-
няются г-жей Грибу, а иногда г-жамъ Понитоской и Довѣ-
ридой. Г-жа Понитоская неудурная исполнительница всесиль-
ролей. У г-жи Довѣриной мы подымаемъ драматическую
жизнь, но въ отвѣтственности роляхъ ее не выдѣли. Объ
остальныхъ умолчимъ. Г. Максименко мы уже вижѣли не
первый разъ, это хороший исполнитель ролей Островскаго.
Жаль, что у него слабый силный голосъ. Г. Пономаревъ—
любимчикъ пріятный, но холодный. Незнаесто къ какому
жизлу причислитъ артиста Курбскаго, ипроче, чрезъ мѣсяцъ
выбывшаго изъ товарищества. На мѣсто его, товариществомъ
приглашенъ г. Дубровскій, который выступитъ въ «Лѣсъ»
и «Нечай-Ногова». Отчетливая читка, вѣтучий и чистый
голосъ, благодарная вѣнность, много способствуютъ ирѣ
артиста. Комикъ Г. Моревъ не лишень природного комизма,
но однообразенъ и среняеи къ булѣ суфлера Г. Чарскій,
идо полѣзатъ, артистъ безъ опреѣжѣннаго импала. Артисты
на вторыя и третія роли отбываютъ свою повинность добро-
совѣстно.

Театрала.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Кіевская Городская Управа

вызывает желающих акквотировать новый городской театр для постановки Русской оперы съ 1 Октября 1900 года срокомъ до 6 лѣтъ. Театръ, совершенно новый, на 1600 мѣстъ; паровое отопленіе и вентиляція; электрическое освѣщеніе отъ собственной стапціи. Заявленія съ предложеніемъ своихъ условій просить присылать къ 15 Марта настоящаго года въ Кіевскую Городскую Управу.

№ 1278 (2—3)

Одоль
лучшее для зубовъ.

№ 1273 (1—2)

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ

Въ Субботу, 4-го Марта 1900 г.

Въ пользу Общества „ЯСЛИ“

состояшаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны.

состоится второй и послѣдній

ЕЖЕГОДНЫЙ БОЛЬШОЙ

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

(организовавшій М. И. Долиной по инициативѣ Кн. М. С. Щербатовой).

при участіи орнестра ИМПЕРАТОРСКОЙ оперы подъ управл.
знаменитаго французскаго дирижера

ЭДУАРДА КОЛОННЪ

и ПРИ БЛАГОСКЛОННОМЪ УЧАСТІИ

Г-жи М. И. Долиной, Г-г. Гуго Варлякъ, Юсифа Гофманъ, солиста-скрипача Парижскихъ концертовъ Ламоничеъ Пьера Секкиари и большого симфоническаго хора, руководимаго П. И. Полетика.

Рояль, фабрики Беккера, Гармоніумъ Шидмайера изъ музыкальнаго магазина Циммермана. Аккомпанировать будутъ: на роялѣ Э. Я. Далускій, на гармоніумѣ Профессоръ Гомилусъ.

Начало ровно въ 8 часовъ вечера.

Билеты первыхъ пяти рядовъ, красные диваны около Царской ложи, а также и для лицъ, имѣющихъ право занимать мѣста около той же ложи (отъ 10 до 7 руб.) исключительно можно получать у Кн. М. С. Щербатовой (Артиллерійская ул., д. № 6) и у Г-жи С. П. Давыдовой (Моховая, 20). Остальные билеты: 10 и 11 рядовъ—по 5 р.; 16—по 3 р. 50 к.; отъ 19 до 22 ряда по 3 р. Красные диваны 3 р. 50 к. и 3 р. Между колоннами по 3 р. и 2 р. 50 к. За колоннами по 2 р. 10 к. и 1 р. 50 к., остальные по 1 р. На эстрадахъ по 3 р. 50 к. (Цѣны со включеніемъ благотворительнаго сбора), можно съ 27-го Февраля получать въ музыкальныхъ магазинахъ: Югансена (Невскій, 16) и Юргенсона (В. Морская, 9).

К. Шапиро.

Фотографъ Идъ Императорскихъ Высочествъ В. К. Владиміра Александровича, В. К. Маріи Павловны и фотографъ Императорской Академіи Художествъ, сплмаетъ ежедневно по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

12 кабинетъ, прежде 10 руб., теперь 6 руб. эмалиров. 8 руб.

12 америк., прежде 20 и 15 руб., теперь 10 руб. амалиров. 12 руб.

12 бударвыхъ, прежде 30 и 25 р., теперь 15 р.

Съ особенною любовью снимаю дѣтей.

Также убавлены цѣны съ большихъ портретовъ, группъ, Еднствъ. Фотогр. Бол. Морская, 12, ул. Невскаго.

№ 1266 (50—6)

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдаленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семедени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕНСАНДРА ВЕН-ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая, 33.

Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадн.

1252 (12—11)

КРАСКА
= для волосъ =
ПРИДВОРНАГО ПАРОФМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЪ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности сыгнать и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

Главный складъ А. Зигмундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2. Получать можно всадн.

ВОРОНЕЖЪ.

Знавшій городской театръ сдѣлалъ изъ пость и Святул

Идтіи театръ „Эрмитажъ“, ремонтн-ированный и увеличенный (полный сборъ 1000) руб. Новая обстановка: декорациі, электрическое освѣщеніе, мебель и прочее), сдѣлаетъ посикетельство съ 1 мая по 1 сентября за условіями обращаться Воронежъ, Антрепренору А. А. Литвареву № 1277 (2—2)